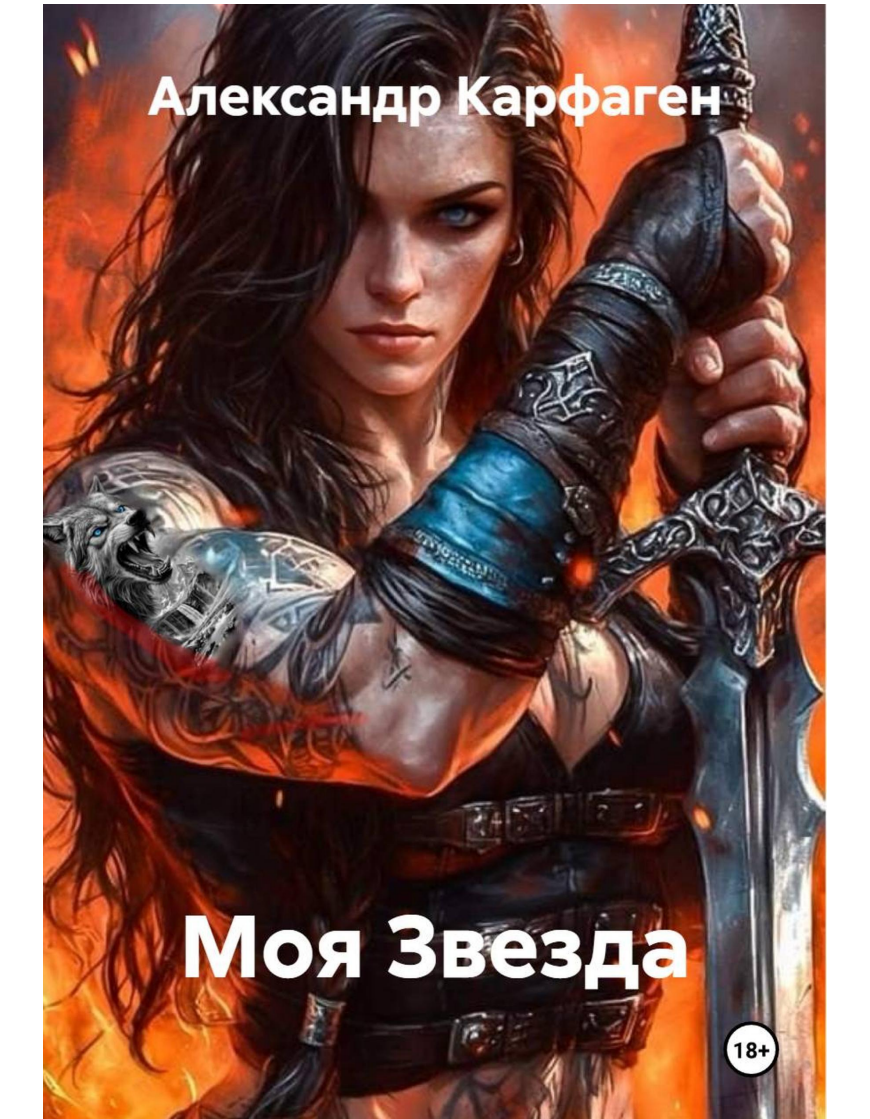

Александр Карфаген

Моя Звезда

18+

Александр Карфаген

Моя Звезда

<https://litres.ru/74667548>

SelfPub; 2026

Аннотация

Где-то в мечтах у меня был тихий уголок, где никто не знал имени моего отца и не смотрел на меня как на ходячее наследие. Место, где я могла просто быть — смешной, неловкой, настоящей, а не безупречной «принцессой», которую все боятся и никто не видит. Мой долг — выйти замуж по воле Капо, словно это не моя жизнь, а договор, подписанный задолго до моего рождения. Но жизнь иногда подбрасывает злые шутки, и самая горькая из них — понять, что свобода всегда была лишь красивой иллюзией

Александр Карфаген

Моя Звезда

Каролина 14 лет

Я не понимаю, что происходит. Вот только вчера мама была рядом — шептала мне на ухо, что всё будет хорошо, гладила по волосам, пряча в этом прикосновении всю ту нежность, которую нельзя было показывать никому больше. А теперь её нет. И эта пустота не просто зияет — она разрастается, заполняет каждую клеточку, вытягивает из меня тепло, оставляет только звенящую, ледяную пустоту. Почему мир так жесток? За что судьба разбивает детские мечты, за что забирает тех, кого мы любим больше собственной жизни? За что отнимает самое дорогое именно тогда, когда ты только начинаешь понимать, как сильно в этом нуждаешься?

Весь наш клан, все родственники, друзья, знакомые — все, кто знал маму, — собрались в церкви, чтобы почтить память «королевы мафии», жены известного мафиозного Капо Вито Бернарди. Слова эти звучали как титул, как холодная вывеска над гробом, и от этого становилось ещё больнее: никто не вспоминал, какой она была на самом деле. Только часть этих людей, а вернее, женщин, лишь рады. Я чувствовала их взгляды — не сочувственные, а оценивающие, будто они уже мысленно делили место, которое мама оставля-

ла после себя. Ненавижу их всех — и тех, кто сейчас здесь, и тех, кто смотрит на мою маму, когда она лежит в гробу, будто это не человек, а трофей, выставленный на всеобщее обозрение.

«Мамочка, вернись, прошу...» — этот крик рвался изнутри, царапал горло, но я не могла его выпустить. Я стояла рядом с отцом, как его наследница, прямая, неподвижная, будто вырезанная из того же холодного камня, что и статуи в нашем саду. Я должна была молча благодарить всех, кто пришёл проститься с мамой, кивать, принимать соболезнования, улыбаться сквозь эту невыносимую боль. Но внутри меня всё кричало.

Капо — мой отец — всю жизнь запрещал проявлять хоть какие-либо эмоции на людях: при охране, семье, друзьях. Лишь мама и он видели, как я плакала. Но чаще это видела мама. Отец всегда приходил в ярость, и каждый раз, когда я плакала, я получала «примерное наказание». Он воспитывал меня как сына — я всегда так думала. Мама рассказывала, что в мафиозном мире и мужчин, и женщин воспитывают практически одинаково: только мужчин с пяти лет учат держать оружие, а с двенадцати — убивать. Женщин же учат контролировать эмоции, быть покорными, рожать детей, поддерживать своих мужей и заниматься домом. Я ненавидела все эти правила, все эти порядки. Не хотела выходить замуж не по любви, но всегда знала, что это мой долг. Мама пыталась подготовить меня, пыталась научить держаться, не

рассыпаться на глазах у всех, но не успела. Четырнадцать лет она была рядом со мной — четырнадцать коротких, драгоценных лет, — и ушла, оставив меня наедине с этим холодным, безжалостным миром и с отцом, который никогда не умел утешать. Из мыслей меня вытащил священник, начав церемонию погребения. Его голос звучал откуда-то издалека, будто сквозь толщу воды, и каждое слово падало на меня, как тяжёлый камень. Я стояла и держалась из последних сил, чувствуя, что слёзы вот-вот прорвутся наружу, сметут эту хрупкую маску спокойствия, которую я так старательно держала. Чтобы не заплакать, я сильно сжала кулаки — так сильно, что ногти впились в ладони до крови. Я зашипела от боли, но лицо осталось бесстрастным. Эта физическая боль была почти облегчением: она отвлекала, давала точку опоры, за которую можно было держаться, пока душа разбивалась на мелкие, острые осколки с каждой розой, которую кидали в землю.

Я хотела кричать во весь голос, что мама не любила розы. Ей нравились белые лилии — нежные, чистые, без тяжкого аромата, который душил в душной церкви. Она обожала их, даже просила посадить целую клумбу у окна своей комнаты. И только я знала об этом. Только я помнила. Но всем было всё равно. Даже моему отцу, казалось, было всё равно, какие цветы класть в могилу женщины, с которой он прожил столько лет.

И вот подошла моя очередь кинуть цветок. Отец стоял ря-

дом, его пронизывающий взгляд мог свести с ума любого, но я уже выработала иммунитет к этому холоду. За все эти годы я научилась стоять прямо, не моргая, не дрогнув, даже когда хотелось упасть на пол и рыдать до изнеможения. Сквозь сжатые зубы, без воздуха, через боль, печаль и горе, я разжала пальцы, и цветок медленно упал вниз. Это было не прощание — это был крик, который никто не услышал.

Всё, что я помню дальше, — как охрана отца увела меня в машину. Всё слилось в один размытый, серый поток: шаги по ступеням, холодный ветер, который будто пытался пробраться под кожу, блеск чёрных автомобилей, неподвижные лица охранников. Мы поехали в особняк, где теперь было слишком больно находиться.

В этих стенах раньше жило тепло — не громкое, не показное, а тихое, спрятанное в деталях: в мамином смехе, в запахе её духов, в том, как она всегда оставляла для меня на столе маленькую записку, если уходила раньше. Теперь всё это исчезло. Все краски потускнели, запахи стали чужими, цвета — серыми, уют растаял, как утренний туман. Всё, что раньше смягчало боль от этой золотой клетки, мама унесла с собой. И теперь особняк казался не домом, а огромной, холодной гробницей, где каждый угол напоминал о том, чего больше нет. Я шла по коридору, и казалось, что стены давят, сжимаются вокруг меня, не давая дышать. В комнате всё осталось на своих местах: её любимая шаль на спинке кресла, книга на тумбочке, полупустой флакон духов. Я подошла,

взяла его, поднесла к носу, пытаюсь поймать хоть каплю её запаха, но он уже почти выветрился, остался лишь слабый, едва уловимый след, который только усиливал боль. Слезы наконец прорвались, горячие, горькие, они катились по щекам, и на этот раз я не пыталась их остановить. Пусть. Пусть весь мир видит, как мне больно. Здесь, в этой комнате, где ещё витал её тихий голос, я могла позволить себе быть слабой. Я опустилась на пол, прижала к себе её шаль и заплакала — впервые по-настоящему, без оглядки, без страха перед отцом, без мысли о том, что кто-то может увидеть. Мама ушла, и вместе с ней ушла часть меня. Но где-то глубоко внутри, сквозь эту боль, сквозь горе и утрату, зарождалось что-то новое — твёрдое, как сталь. Я буду помнить её не только в слезах. Я буду помнить её в каждом своём шаге, в каждом решении, в каждой попытке не сломаться. И, может быть, однажды я смогу жить так как хотела для меня мама.

Каролина

Со смерти мамы прошло три года, а на душе всё так же тоскливо, одиноко и горько — будто время не лечит, а просто растягивает боль, делает её привычной, но не менее острой. Каждый день эти три года я просыпалась с ощущением, что вот-вот услышу её голос из соседней комнаты, её лёгкие шаги по коридору, тихий смех, которым она умела разгонять любую тень. Но вместо этого — тишина пансионата, строгие голоса наставниц, скрип мела по доске и холодные взгляды одноклассниц. Три года вдали от родного города, от

дома, от самой себя. Три года одиночества в закрытом пансионе для девочек, где царили жёсткие правила, безупречная дисциплина и обучение, которое, как уверяли преподаватели, должно было подготовить нас к «настоящей жизни». Нам давали действительно ценные знания: от тонкостей этикета до умения держать лицо в любой ситуации, от истории великих династий до искусства вести переговоры, не выдавая ни единой эмоции. Но никто не учил, как унять ту пустоту внутри, которая разрастается, когда ты понимаешь, что тебя отдали, чтобы не напоминать о ком-то дорогом. Я думала, что буду радоваться возвращению домой. Представляла, как открою дверь в свою комнату, вдохну знакомый запах маминых духов, увижу её любимые безделушки на полке — и будто она снова будет рядом. Но почему-то всегда есть это дурацкое «но». И вот оно — горькое, колючее, безжалостное. Я не была рада. И не была в печали — скорее, я была пуста, как пересохший колодец, в котором даже эхо звучит глухо. И вот я стою у особняка, где когда-то прожила четырнадцать лет с мамой. Всё же это невыносимо больно — видеть этот дом без неё, быть там, где она когда-то создавала уют, наполняла комнаты своим теплом, дарила любовь каждым жестом, каждым словом, каждой чашкой чая, которую ставила передо мной. Здесь каждый камень помнил её, и от этого становилось только тяжелее.

Вдох... Выдох... Вдох... Выдох... И так семь раз. Почему именно семь? В пансионе нам говорили, что так проще

успокоиться, что ритм дыхания помогает вернуть контроль над собой, когда мир вокруг рушится. Я повторяла эти вдохи и выдохи сотни раз, когда хотелось кричать, когда слёзы подступали к горлу, когда казалось, что сердце разорвётся от тоски. Сделав последний вдох-выдох, я заставила себя сделать шаг, потом ещё один, и пошла по тропинке к дому. Сад остался таким же, каким его создавала мама: те же клумбы с её любимыми лилиями, те же изогнутые дорожки, те же фонари, которые она выбирала с такой тщательностью. Казалось, время здесь остановилось, законсервировало её присутствие. Не заметно для себя я почувствовала, как на губах появляется лёгкая улыбка — впервые за три года. Это была не радостная улыбка, а скорее тихая, горькая, как прощание с чем-то дорогим. Но она была. И в этот момент я поняла, что не всё во мне замёрзло. В школе меня прозвали ледяной принцессой — за то, что я никогда не показывала эмоций, за то, что смотрела на всех чуть свысока, за то, что держалась особняком. Хорошо, что там не знали, что я и правда принцесса — только не из сказки, а из мира мафии, где титул не дарует защиту, а лишь делает тебя мишенью. «Ха-ха», — мысленно усмехнулась я, и эта усмешка прозвучала в голове как горький смех над собственной судьбой.

Вдали уже виднелись силуэты людей, слышался приглушённый гул голосов, а потом — мелодия: скрипка и виолончель сплетались в изысканную, но слишком торжественную композицию. Что-то внутри меня сжалось, предупреждая:

«Тебе это не понравится». Я замедлила шаг, прислушиваясь не к музыке, а к тому, как она не сочетается с тишиной, которую я ожидала найти в родном доме. Переступив порог главного входа, я замерла. Перед глазами развернулась картина, которая не укладывалась в голове: огромное количество людей заполнило зал — даже на похоронах мамы было вдвое меньше гостей. Среди них мелькали вспышки камер, и я с запоздалым ужасом поняла: здесь журналисты. Что за безумие? Почему наш дом, который когда-то был крепостью, теперь превратился в сцену для публичного спектакля?

Я остановилась, чувствуя себя невидимкой в собственном доме. Меня не замечали ни охрана, ни обслуживающий персонал, ни даже наша экономка, которая когда-то тайком приносила мне печенье и шептала, что всё будет хорошо. Теперь она скользила между гостями с безупречно ровной спиной, не поднимая глаз. Мой взгляд метался по залу, пытаюсь найти хоть одну знакомую деталь, хоть что-то, что напомнило бы о прежней жизни. И вдруг всё встало на свои места: дом был украшен не для поминок, не для приёма, а для свадьбы. Белые ленты, цветочные арки, хрустальные вазы с пионами — всё кричало о празднике, о начале чего-то нового. И это новое было мне чуждо, враждебно, болезненно.

«А что, если...» — мелькнула мысль, но я тут же оборвала её. Отец молод — ему всего сорок, он в расцвете сил, и в его мире такие союзы были обычным делом. Но осознание не смягчало удара. Дьявол, это и правда свадьба. Как я поняла?

Всё было до абсурда просто. Напротив меня стоял мой отец в безупречном чёрном костюме — строгий, собранный, с той самой маской спокойствия, за которой всегда прятались его истинные намерения. А рядом с ним — молодая девушка лет двадцати—двадцати пяти в белом, невероятно шикарном платье, которое словно сошло со страниц модного журнала. На их пальцах поблёскивали обручальные кольца. Мир на мгновение сжался до одной точки — до этих колец, до этого платья, до этого чужого лица рядом с отцом. Я не помнила, сколько минут или секунд я так стояла, застыв, как статуя, пока реальность не ворвалась обратно с резким звуком — это мой телефон выскользнул из онемевших пальцев и разбился вдребезги о мраморный пол. Резкий звук прорезал воздух, и все в главном зале обернулись. Лица сливались в размытое пятно, но я видела только одно: как отец медленно повернул голову, и наши глаза встретились. Он не проявил ни единой эмоции — ни радости, ни удивления, ни даже раздражения. Даже намёка на улыбку не мелькнуло на его лице. «Жаль», — пронеслось в голове, хотя я уже давно перестала ждать от него чего-то большего, чем холодного признания моего существования.

Мои глаза скользнули влево, к его новой молодой жене. Я смотрела на неё долгим, холодным, пронизывающим взглядом — так, как меня учили смотреть на врагов, как смотрел сам отец, когда оценивал угрозу. Её лицо оставалось неподвижным, но я заметила ту едва уловимую дрожь, которая

пробежала по её телу, как электрический разряд. Она испугалась меня — и эта маленькая победа принесла странное, почти болезненное удовлетворение. Я чуть заметно ухмыльнулась, и в этой ухмылке смешались горечь, сила и обещание: я вернулась, и я не собираюсь быть тенью в этом доме. Снова вернув взгляд на отца, я увидела, что он идёт в мою сторону. Я смотрела ему прямо в глаза, не отводя взгляда, показывая, что не боюсь его, что годы вдали не сломали меня, а закалили. Я вернулась — и у меня есть свои мечты, свои цели, и он не сможет их растоптать, как растоптал столько всего в моей жизни.

Капо остановился передо мной, посмотрел несколько долгих секунд, будто пытаюсь прочесть мои мысли, и наконец заговорил:

— Benvenuti a casa. Dovevi venire domani? (Добро пожаловать домой. Ты должна была приехать завтра?)

Почему он спросил на итальянском? Проверял, не забыла ли я родной язык? Или хотел напомнить, кто здесь устанавливает правила? Что ж, папочка, я тебя удивлю.

— No, sono arrivata oggi, come è stato scritto nella lettera. L'ultimo anno di studio, finisco a casa. (Нет, я прибыла сегодня, как было написано в письме. Последний год учёбы я заканчиваю дома), — ответила я чуть насмешливым тоном, удерживая вызывающий взгляд. В пансионе я поняла, что мне нравится выводить людей из себя — это был способ узнать их слабости, увидеть, где трещит их безупречная

броня.

— Не забывай, с кем говоришь! — рявкнул Капо грубым, грозным голосом, в котором слышалась привычная власть. Он, наверное, всё ещё думал, что может давить на меня своим авторитетом, что я останусь той маленькой девочкой, которая вздрагивала от его строгого тона. Но я училась у лучших — и научилась не только скрывать свои эмоции, но и управлять чужими. Я умела подавлять взглядом так же, как и мой отец. Только на него это не действовало — его броня была слишком толстой.

— Ступай в комнату, приведи себя в порядок и возвращайся. Я объявлю о том, что ты вернулась, — приказал он, и в этих словах не было ни теплоты, ни заботы — только холодный расчёт.

Я не стала спорить, не стала оправдываться или что-то доказывать. Просто кивнула, принимая его слова как данность, обошла отца и направилась к лестнице, ведущей в мою комнату. По пути я чувствовала на себе десятки взглядов — любопытные, оценивающие, насторожённые. Но я сделала вид, что они лишь жалкие букашки, не заслуживающие моего внимания. Пусть смотрят. Пусть гадают. Скоро они поймут, что ледяная принцесса вернулась — и теперь лёд будет не только на её лице, но и в её решениях.

Каролина

Когда я вошла в свою комнату, я выдохнула, не думала что

смогу снова дышать здесь, я вдохнула родной запах, правда тут пахло, пылью, старостью, и мамой.. Мама, я так давно не чувствовала ее запах, я так по ней скучаю, я думала что три года стерли о ней воспоминания, но нет, я помню как часто с ней гуляла у нас в саду, как мама учила меня шить крестиком, играть на скрипке, вязать, а главное как она меня учила рисовать. Я люблю рисовать, вернее любила, пока мама жила, была рядом со мной, я каждый день рисовала, лишь бы она улыбалась, гордилась мной.. Я погрязла в своих воспоминаниях, даже не обратила внимания что в комнате , теперь я уже не одна.

- Мисс Бернади.. Прошу прощения, я не хотела вам помешать, Капо прислал меня, и просил принести вам это платье. Я резко развернулась, что бы взглянуть на ту кто вошел в мою комнату без разрешения, да и еще нарушил мой покой и мои мысли о маме. Посмотрев на горничную и то что она держала в руках я скривилась, если отец думал что на его свадьбу я одену нежно розовый цвет, он сильно ошибается, и вероятнее всего платье выбирал не он, а моя новая мачеха, или наша экономка.. Что-же они будут сильно огорчены

- Cagna (Су*а) , забери это, и убирайся прочь с моих глаз, и передай остальным, еще раз кто-то нарушит мой покой, и войдет в комнату без стука , уничтожу, что ваше тело не найдут! А теперь прочь! Никогда еще не видела что бы так быстро бегали, но как я уже говорила, у меня были хорошие учителя, и я научилась использовать свой статус мне на поль-

зу. Научилась быть стервой, что бы меня боялись как моего отца, жаль что увидь это мама, я бы получила пристойное наказание, за плохое поведение. Сейчас же мне все равно, её нет и я начинаю жить заново, три года у меня ушло что бы скрывать свои чувства и эмоции, три года что бы доказать отцу что я больше не буду преклонять колена, что я года пойти на все что бы получить желаемое

Сделав опять дыхательное упражнение, я открыла чемодан и достала от туда, кружевное черное платье в пол, оно полностью закрыто до шеи, но с разрезом сбоку на ноге, и с кружевом по спине. Надев его, я быстро завila себе волосы, хотела сделать макияж но передумала, надев каблуки, я покрутилась у зеркала, вздохнула, расправила спину, и пошла на выход.

Когда я вышла в коридор ведущую к лестнице, которая спускается к главному залу в доме, я услышала, как отец созывает всех, и я замерла в ожидании

-Добрый вечер всем! Я Рад, что сегодня вся моя семья собралась сегодня! Сегодня не только моя свадьба, но и самое главное, возвращение моей дочери Каролины, моей наследницы, вашей принцессы! Когда отец договорил все начали аплодировать, что-то кричать, свистеть, перешептываться. Я была удивлена, но выдохнув, я начала спускаться, с прямой головой, с ровной спиной, и высокомерным взглядом, да пусть мне только семнадцать, но я никому не дам себя сломать, даже родному отцу.

Все смотрели на меня, в шоке, с непониманием, кто-то с осторожностью, даже завистью, и лишь один взгляд я чувствовала на себе не довольный, этот взгляд принадлежал моему отцу, Капо нашей семьи. Конечно, я же не надела платье которое подобрала моя мачеха, а надело черное, среди гостей женщин, я была единственной в черном.. Последние три года черный цвет стал моим любимым и надевать другой цвет я не стану.

Спустившись к отцу, я подошла и склонила голову в знак своего уважения Капо, посмотрев кто стоял рядом с ним, я заметила его правую руку Матео Росси, Капо другой территории Джордано Рива и судью Карло Флоренци, так же там стояла мачеха, но я сделал вид что ее не существует

- Каролина, ты стала еще прекраснее, Una vera bellezza(настоящая красавица) Матео склонился взять мою руку и поцеловать. Детства мне всегда нравился Матео, он пусть и выглядел устрашающим, как и полагается **Консильери**, все дети боялись его, его внешнего вида, все из-за шрама на пол лица. Меня же он никогда не пугал, я любила играть с Матео. А не с другими детьми

- Мистер Росси, вы как всегда галантны к юным леди, благодарю вас за комплимент. Я мило улыбнулась своей отрепетированной улыбкой, которая не коснулась моих глаз, Матео это заметил, но не стал говорить, ведь рядом Капо, чую меня ждет серьезный раз-

говор.

-Кхм, Матео, перегибаешь, Каролина, познакомься с новой хозяйкой дома, и моей женой Лауретта Бернарди, прошу уважать её, как жену Капо! Я была в шоке, но на лицо не показала ни одной эмоции, ни один мускл моего лица не дрогнул, лишь силой стиснула челюсть, лишь бы не выругаться. Я мило улыбнулась, но прожгла взглядом свою matrigna (мачеху). Как всегда вздрогнула. Значит капо Рива ее отец, они заключили договор о расширении территории, раз уж мой отец женился на единственном ребенке семьи Рива, скоро и меня ждет даже участь, кого же выберет мой отец мне, но пусть он знает, я без боя не сдамся.

- Certo Capo, non infrangerò la tua regola, ma volevo parlarti su Odino, eppure non ci vediamo da tre anni (Конечно Капо, я не нарушу ваше правило, но хотела поговорить с вами на едине , все же мы не виделись три года) Я посмотрела прямо ему в глаза, с вызовом, показывая свой характер, и упертость моей мамы, все же я была её полной копией. Отец ничего не ответил лишь, кивнул, взял под руку свою жену и ушел взглядом показывая мужчинам уйти от меня. Я опять осталась одна, почему же отец так поступает со мной.

Перестав думать, я решила выпить, пусть мне и бы-

ло 17 лет , но я была принцессой и один бокал шампанского никому не вредил, подойдя к бару, взяв бокал я сделала глоток. Ух как же он был прекрасен, розовое проссеко с кисло-сладким после вкусом, приятно ударило в голову, и на конец-то я начала расслабляться. Как я на это надеялась, но тут на меня неожиданно обняли за шею, и прежде чем отпихнуть девушку, я поняла кто это. Адэлина, моя подруга детства и дочь судьи, Я так рада была ее видеть, мы знакомы с 4 лет. Адэлина милая девушка слегка полновата , с копной рыжих волос, зелеными глазами как изумруды и по всему телу и лицу веснушки, она считала себя не красивой, а я же на оборот, для меня она была лучиком света, такой милашкой

- Каролина, как я рада тебя видеть , три года, пусть мы и писали друг другу, и звонили, но видеть тебя в живую намного лучше, я так скучала по тебе. Не произвольно я улыбнулась ей показывая самые настоящие эмоции, Адэлина единственная помимо мамы кого я люблю очень сильно

- Адэли, ты сейчас меня задушишь и я умру в твоих объятиях, от нехватки кислорода, я тоже скучала по тебе *lentigine* (Веснушка)

Наконец то мы отлипли друг от друга, и стали рассматривать , сканируя как мы выросли и похорошели, три года назад Адэли была намного толше, нежели

сейчас, хотя она тогда была красоткой что сейчас, я же была ходячим скелетом, почти..

Худая, голубые глаза цвета моря, глубоко синего, пепельные волосы, и слегка загорелая кожа, для итальянской принцессы я была шикарна, но себя я такой не считала, я считала себя обычной.

Каролина

Три года на расстоянии, три года переписки и звонков, и вот моя подруга детства, не просто подруга, а можно сказать сестра, рядом со мной, для меня эти три года были мучительными, одинокими, в пансионате я даже ни с кем не общалась, не подружилась, для всех я была ледяной принцессой. Из мыслей меня выдернула Адели

- Карли, хватит витать в облаках, ты опять отключилась, мы не виделись три года, а ты опять потерялась в прошлом, я знаю это тяжело терять близких, это больно, но все же, не нужно так губить себя, нам 17 лет, еще год и нам 18 лет, так давай пока мы еще подростки, и на нас нет ответственности, будем веселиться, и играть на нервах нашей охраны. Адели, так громко рассмеялась, что я не вольно захихикала с ней, моя веснушка всегда права. Пусть нам и по 17, но Адели мыслит как взрослая женщина с опытом

-Веснушка, как я скучала по тебе, эти три года без тебя был ад, мне так не хватало твоей поддержки, ты права, нам нужно веселиться и наслаждаться жизнью, так давай начнем сегодняшнего вечера, хочу посмотреть на реакцию отца! Сказав это , мы опять обе захихикали и уже громко не сдерживаясь, что все близлежащие гости обернулись на нас и посмотри укоризненно, но мы лишь фыркнули.

Вечер протекал просто шикарно, великолепно, бокал за бокалом мы пили, танцевали, веселились. Впервые за три года мне было легко, я улыбалась по настоящему, пока к нам не подошла моя мачеха, хм, вся такая статная, высоко поднятой головой, как будто она и вправду королева, но я знала, что место моей мамы ей не занять

-Каролина, Адэлина, я смотрю вы хорошо отдыхаете на нашей свадьбе с Капо, но девочки не переборщите, вы все же будущие жены, одного из гостей, а манеры у вас не очень. Каролина, я хотела бы поговорить с тобой, на едене, мисс Флоренци, оставь нас. Адэлина посмотрела на нее в шоке, моя мачеха только вступила в брак, а уже командовала, это она зря, затем Адэли взглянула на меня но я покачала головой, давая понять, что ей нельзя уходить, и не стоит слушать мою мачеху

-Dyavol, non sei mia madre per parlarmi in questo modo

(Дьявол, ты не моя мама , что бы так говорить со мной) Аделина, остается, хочешь что-то сказать, говори при ней. Я подняла подбородок, смотрела с насмешкой ей в глаза, она связалась не стой, я все же дочь своего отца. Мачеха, потупила взгляд, она старалась держаться смело, гордо, но страх в её глазах выдавал, я была воспитана не как все девочки, в пансионате куда отправил меня отец, был не на столько идеален как пишут и говорят про него, там учились самые ужасные дети. Дети которые стали не нужны, от которых отказались родители, и мне было жаль что это были девочки... Там я научилась стоять за себя, драться, быть расчетливой, хитрой, перестала бояться, быть гордой и высокомерной.

-Выбирай вырождения, перед тобой жена Капо, ты не вправе не проявлять не уважения ко мне, пусть ты и дочь Вито, но я жена, и наследника, мальчика, подарю ему я, а ты всегда будешь на вторых ролях! Видимо тебя плохо обучили в пансионате, раз ты все еще такая упрямая, нужно вернуть тебя обратно! Высказав все это, она резко развернулась и ушла прочь к гостям, а вернее к девушкам, которые ждали ее возле арки украшенной цветами, видимо это её подруги, она думает что может мной управлять? Мне только что бросили вызов, открыли со мной войну, раз она думает что я кроткая, невинная девушка, то не дам боя, не буду отвечать, ох, как же она ошиблась, эту войну начала не я!

-Карли, ты как? Какая же она, она...Слов нет, все

веселье испортила, она же только вышла замуж, а уже пытается что-то изменить...

-Адэли, пусть делает что хочет, но она только что открыла войну, и это ей так с рук не сойдет, я не позволю испортить этот год, я воспользуюсь им по максимуму, черт! На нас смотрит Матео, и еще какой-то парень, хм а он вроде симпатичный, но староват для меня, чувствую мне хана! Я захихикала, от укоризненного взгляда Матео, но и встревоженного, что-то не так, что так его тревожит, и почему этот парень так смотрит на меня, мне как то неловко. Его взгляд пугает, отталкивает, но при этом притягивает, завораживает, его глаза.. они не обычные, вроде серые как грозовое небо, но с оттенком голубого ясного неба...

-Карли, Карли, прием, ты меня слышишь? Я вздрогнула, отвела взгляд и посмотрела на веснушку, а та продолжала щебетать... - Это не просто какой-то парень, это сын Дона, Амо Висконти, наследный принц мафии, ему всего лишь 23 года, он не так стар, я бы сказала что удивлена, но все же твой отец, на пару ступеней выше остальных Капо, он один из приближенных Дона. Хм, как интересно, даже я этого не знала, хотя чему я удивляюсь, Адэлина все же дочь судьи, ей положено обо всех знать, и быть на чеку.

Амо

Как все достало, вечные разборки, предатели, наркотики, поставки, оружие, но это мой мир, этому меня учили с 5-ти лет, к этому я шел всю свою жизнь, я следующий Дон, и мне его нужно будет возглавить, управлять всем что строили мои предки. И вот вонзая в нож, в очередного предателя, вытаскивая из него слова, и информацию, кто его купил , я кайфую, все же я сын своего отца...

- Я повторяю последний раз Carogna (Пададь). Кому ты слил информацию, как посмел предать свою семью?! Я еще сильнее вдавливаю нож, в его бедро, прокручивая его медленно, и мучительно, до тех пор пока он не начинает визжать как маленькая сучка. Хм, и почему они всегда храбрятся, пока не попадают в мои руки, я тот еще садист, любящий мучать своих жертв, с особой жестокостью и любовью

- Vai all'inferno, non dirò nulla, non mi importava sempre della mafia, e chi servire, sono solo per quelli a vygrash (Иди к черту, я ничего не скажу, мне всегда было все равно на мафию, и кому служить, я лишь за тех кто в выйграше) А вот это уже интереснее, мучать таких, ломать, но сегодня я без настроения, мне нужна разрядка, 4 дня без секса дает о себе знать, посмотрев на одного из охранника я говорю

-Оставьте его тут, не лечить, затяните веревки туже, не давать воды, посмотрим сколько продержится, наблюдать, начнет отключаться, приведите в сознание! Ты забыл кто я? Но

я напомним тебе, ты пожалеешь о своих днях что все еще живешь! Я оставил нож в ноге, развернулся на пятках и ушел, руки в крови, как и рубашка, от меня воняет этой тварью, сейчас только утро, а сна так и не в одном глазу, ладно, поработаю над поставками наркотиков, а пока в душ.

Спустя пару часов, мой телефон начинает звонить, отвлекая меня от бумаг и планировки поставки, выругавшись про себя, достаю телефон из кармана, смотрю на номер кто звонит и хмурюсь. Отец, Дон мафии Чезаре Висконти, он никогда не звонит, а лишь присылает когонибудь, если хочет увидеть меня, а раз тут звонок, значит что-то случилось. Приняв звонок, я тут же слышу грубый голос отца

-Сын, сегодня вечером, нас ожидают на свадьбе одного из моего приближенного, а именно Вито Бернарди, будь готов к 16, за тобой заедут. И отключился, как на него похоже, ни тебе привет, ни как дела, только прямой указ, в стиле моего отца, но я не мальчишка что бы переживать о таком. Мне 23, у меня свои счета, свой легальный бизнес, своя машина, квартира, и охрана, я живу один, и большего мне не надо. Посмотрев на время, я понял что в запасе у меня как минимум еще 2.5 часа, успею как раз все доделать.

К назначенному времени за мной заезжает один из приспешников моего отца, открыв мне дверь, я сажусь в машину, и мы едем к особняку Вито, народ только собирается, три года назад погибла его первая жена, прикрывая его от пули

нападавшего. Как не глупо было с ее стороны, отдав свою жизнь, она спала своего мужа и Капо. Скажите это романтично, но как по мне очень глупо. И вот переступая порог особняка, я вижу свою мать, отца, Вито, и его правую руку Матео, в свое время именно Матео обучал меня, всему что я умею, он один из лучших убийц своего поколения, даже превосходит Вито, но быть капо ему не льстит. Подойдя к ним я проявил уважения к моему Дону, и к хозяину особняка

-Дон, Капо Бернарди, Матео, привествую вас, Мистер Бернарди благодарю вас за приглашения, позвольте поздравить вас с вашей свадьбой. Пожав ему руку и высказав свои пожелания, я отошел что бы взять бокал с виски, шампанское пускай пьют женский пол.

- Амо, почему ты не приезжаешь к нам, я переживаю за тебя, пусть твой отец и не говорит этого, но он тоже печется о тебе. Мама как всегда, говорит это с улыбкой и теплотой, но в голосе так и слышны нотки **укорезнения**.

-Mamma, so cosa stai passando, ma non sono più piccolo, non dimenticarlo, sono l'erede, il futuro Don (Мама, я знаю что вы переживаете, но я не маленький больше, не забывайте этого, я наследник, будущий Дон) Мама мне нравится когда я говорю на родном языке , мне и самому это нравится, да и девушек клеить интереснее. Поговорим с мамой, еще пару знакомыми, началась церемония, Лаурэта, очень прекрасная девушка, старше меня на три года, но слишком высокомерна, ее

растили быть женой Капо, быть леди. Даже противно от такой фальшивки, на этом торжестве нет ни одной настоящей девушки, да но некоторые из них все еще невинны, но слишком дешево выглядят, даже жаль их мужей. Хорошо что отец не собирается меня женить. Вот в чем плюс быть мужиком, мы сами можем выбрать кого брать в жены. После принесения клятв, начался настоящий праздник веселье, и развлечения, как для гостей так и для молодоженов. Думаю это будет веселый день, вечер да даже ночь, на этом празднике уже присмотрел девушек, которые не имеют к нашему миру ничего. Подойдя к моему отцу, Вито, Матео, мы стали обсуждать работу, как забрать еще территории, и сколько поставлять оружие други кланам с которыми мы работаем.

Через время я уже хотел уходить, так как мой друг старался при своем отце и Дону, не вести себя плохо, да и я проявлял уважения, вместе мы в этот вечер не тусовались. Но вот собрался я уже выходить, как увидел, что двери особняка открываются и на пороге появляется не знакомка. Черт.. у меня перехватило дыхание от ее вида, она как ангел, разрушитель моего покоя, Кто же ты принцесса? Она стоит замерев, и водит глазами по залу, не понимая что происходит, наблюдая за ней из тени, очень интересно, она как котенок загнанный шакалами, но в тоже время, хитрый и

высокомерный взгляд выдает ее натуру, на лице ноль эмоций... Хм.. кто же она, вот теперь мне стало по истине интересно, за все 23 года, я впервые захотел кого то рядом собой, а именно её.

Амо

Вот она стоит, смотрит куда то прямо, проследив за её взглядом, я вижу что Вито, он направился к ней, почему? Кто она, и тут до меня доходит, не ужели этот милый ангелок, Каролина Бернади, дочь Вито. Вот это поворот, последний раз её видел в день похорон её матери, тогда на кладбище, она стояла рядом с Вито, грустаная, с отреченным взглядом, но не разу за всю церемонию ни разу не проронила слезу. Почему она с чемоданом, стоит в холле особняка и ждет когда пойдет её отец, что случилось в их семье три года назад? Почему она вернулась, почему Вито её прятал. Нужно скорее все выяснить, и понять, но долго в раздумьях мне быть не дают, ко мне подкрадывается Матео, он всегда любил это дело, ловить своих врагов врасплох , но я учился у него, и знаю его привычки

-Сколько лет, сколько зим, Висконти, Мальчик, ты вырос, даже возмужал, я даже как ни странно скучал по тебе. Хмыкнув и улыбнулся одним уголком губ сказал

-Матео, ты как всегда, так же хитер, и беспечен. Я рад что ты все еще жив, три года прошло, когда мы последний раз виделись, но раз ты подошел сам, значит ты хочешь сказать мне что-то, твои глаза выдают тебя

-Ты прав, я видел как ты смотришь на Каролину, скажу тебе одно, она еще ребенок ей 17. не смей ее трогать, за нее я порву глотку, даже сыну Дона. Он так посмотрел на меня, и я понял, что это не просто слова, а защита. Он любит ее как свою дочь., а значит будет защищать, неплохо

-Даже не думал ее портить, но скажу тебе, что она будет моей, либо со мной, либо не с кем, она прекрасна, настоящая принцесса , в отличии от остальных. Я вижу что она еще ребенок, но мне никто не запрещал наблюдать за ней, в нашем мире все равно решают мужчины, рано или поздно её отец решит выдать замуж Каролину, дак почему не дать ему наводку, что бы её партией стал я? Говоря ему это я стал думать что я несу, почему чувствую это чувство ревности, почему кровь кипит когда думаю, что она будет с другим... Черт..дурацкий с пермотоксикоз. **Нужно срочно снять напряжение. А пока понаблюдаю за своим ангелом из тени.**

Весь вечер стоял в тени общаясь с другими гостями Бернарди, поддерживал дружеское общение, заводил новые знакомства, здесь не только члены мафии, или кто знает о нас, но и простые знатные люди, которые хотят стать партнерами, расширить свою деятельность, получить больше денег. Вечер начинает меня утомлять, все же я не готов на семейную жизнь, и скучные однообразные вечера.. Задумавшись, я перестал обращать на моего ангела, пока ко мне снова

не подошел Матео

-Странно видеть как ты не веселишься, но ты вроде хотел понаблюдать за Каролиной, но что-то пошло не так? Матео смотрел куда то правее от меня, и я обернулся, увидев что происходит, я был озадачен. Каролина стояла и улыбалась и смеялась, перешёптываясь с Адэлин Флоренци, дочерью судьи, Cheert, che bellezza è (Чеерт, какая же она красавица) за весь вечер, за то время которое я наблюдал за ней, только сейчас понимаю что она улыбается, это не отрешенная улыбка или наигранный смех, это она настоящая. Я стоял и смотрел на нее сверлил взглядом и ухмылялся, не понимая что меня в ней так привлекает больше всего.

-Я давно не видел её, за весь вечер она наконец то расслабилась, но тут ей видимо помог алкоголь, причем не в малых количествах. Сначала я не сразу понял о чем говорит Матео, а потом уже заметил, что её лицо слегка розовое, и видимо этот розовый цвет у нее не от смущения, а от выпитого алкоголя, интересно сколько этот ангел уже выпила. Спустя час за её наблюдением, я уже видел как она сильно охмелела, и вела себя более дерзко, более беспечно, она была самой собой, не боясь показать себя настоящую. Всё это время Матео стоял рядом, и обсуждали прошлое, говорили о работе, о личном, в какой клуб схо-

дить, где снять девочек, что выпить, и какую тачку или здание купить. Матео как и я не сводили глаза с девушек, к нам кто-то подходил разговаривал, даже мой друг Марко Верди, сын Консильери моего отца, Альвиза Верди. Спустя еще время я увидел как Лаурета подходит к девушкам, лицо Каролины в моменте меняется, её взгляд становится более угрожающий, хитрый, опасный и даже насмешливый, вот это перевоплощение, не ужели это мелкая девчонка уже ненавидит свою мачеху, я наблюдаю за их разговором и вижу как Лаурета закипает, ее взгляд напуган, но она пытается держаться гордо, их разговор набирает оборот, и Лаурета резко развернувшись уходит. Мои глаза встречаются с глазами Каролины, не знаю сколько мы так стоим и смотрим друг на друга, но она переводит взгляд левее от меня, и смотрит на Матео, боковым зрением я вижу, что он смотрит на нее, пусть его лицо каменное, но как я говорил ранее, взгляд выдает его

-Амо, дай мне слово, что не обидишь её, обещай мне, что не станешь её трогать сейчас, пусть насладится своим временем, не говори что хочешь её себе. Я оторвал взгляд от Каролины, и посмотрел на Матео, прожигающим взглядом, пытаюсь понять что он хочет сказать

-Что ты хочешь мне сказать? Я знаю что она ре-

бенок, пока её нет 18 лет, я буду наблюдать из далека, я не нарушу наши правила, я знаю что в нашем мире, девушек выдают и в 16 лет замуж, но мне ненужен ребенок, мне нужна женщина. Я оторвал взгляд от него , покосился снова на Каролину , но там где она стояла раньше, её уже не было, уже убежала не дав насладиться еще мгновением на неё. Пусть убегает, но я хищник, и я всегда настигаю жертву, но подсознательно уже понимаю и знаю, рано или поздно она поставит меня на колени.

-Амо, как сын Дона, как будущий Дон, дай мне слово, что не обидишь её, я видел её взгляд, я знаю как она говорила с Капо, она характером как и Вито, но так же у неё характер Николетты, а у её матери был упорный и не покорный характер. Это на людных сборищах она была покорной женой, но в стенах дома я видел, как она противостояла ему, не забывая что её мать пусть по крови и итальянка, но дед Каролины Дон мафии в США. Характером она точно в мать, и чувую что Каролина уже что-то задумала. Я нахмурился, я даже забыл откуда родом мать Каролины. Не время сейчас думать об этом , я коротко кивнул Матео, дав обещания что пока не трону Каролину, я терпелив, и подожду когда моя stella (звезда) la mia stella (моя звезда) подростет, вот тогда я и получу свою награду за ожидания, а пока по развлекаюсь , с этой аппетит-

ной официанткой, длинные ноги, аппетитная попка, сиськи что надо, на лица не обратил внимание, мне оно и не нужно, лишь её губы на моем члене, я вижу её взгляд, эта девочка охотиться на богатых, ну да как её еще выбраться из низов. Медленно не торопясь я подхожу к ней, жду когда она увидит меня и облизнет свои губки, черт её язычок заводит меня, пусть у меня привстал, но он не полностью готов, её придется хорошо поработать.

-Gattino carino, non vuole divertirsi in questo raduno (Милый котенок, не хочет развлечься на этом сборище) Я ухмыльнулся, обнимая её за талию, и показывая взглядом куда пойти, девочка не дура сразу понимает что я хочу, а она и не против, замечаю у стены моего друга и его отца, Марко подмигивает, и ухмыляется как чеширский кот, вижу его взгляд он хочет знать подробности как она в постели, и я дам ему полный ответ. Заводя девчонку в первую попавшуюся комнату на первом этаже, тут же проталкиваю её вглубь, даже имени её знать не хочу, все равно не стану запоминать, она лишь девочка на одну ночь, не более. Закрываю дверь на замок и говорю

-На колени, расстегни ремень, и ширинку, возьми мой член, как послушная маленькая шлюшка. Я знаю что такие как она любят когда их принижают, но не сильно. Но церемониться с ней я не стану, вся ваниль,

романтика достанется другой, если такие романтические чувства у меня есть. Девочка послушно выполняет мои указания, облизывает губки, поднимает на меня свои глаза, берет мой член в руки и начинает его изучать, но нет, мне нежна прелюдия. Как и ей, она хочет что бы над ней доминировали.

-Возьми его в рот по самые яйца, и высоси меня до суха! Прорывав это, я долго не даю ей думать, пальцем оттягиваю её губу, давая понять что бы открыла рот, и она послушно это делает, облизывает головку в члена, а потом глубоко заглатывает меня, даю ей время привыкнуть, член у меня не маленький я это знаю, и ей это нравится, она начинает работать свои ртом, но мне мало.. Запустив руку в её волосы я наматываю их на кулак, и фиксирую её голову, и вонзаюсь на полную, девчонка что-то мычит, стараться подстроиться под мой темп, и у нее получается. Я ебу её в рот так сильно, что получаю кайф от того что вижу, она всасывает его еще сильнее, рукой сжимает мои яйца, и я позволяю ей довести меня, и шумом выдохнув через сцепленные зубы кончаю ей в рот. Не говоря ей не слово больше, приведя себя в порядок, кидаю деньги на кровать и ухожу. Разрядку я вроде получил, но нужного состояние так и не добился, черт надо было все же её трахнуть, но презервативов у меня собой не было, а без защиты в кого попало не лезу, наберу по-

том своей любовнице для такого случая Натали будет рада.

Каролина

Как только Амо отвернулся от нас, и перевел свое внимание на Матео, мы не заметно ушли с Адели, я не могла долго быть там, и чувствовать как последние несколько часов он прожигал меня взглядом, он пугает меня, он старше меня, но притягивает, я не дам нарушить мои планы, я вернулась в Палермо не за тем что бы жить такой жизнью, а что бы выйти из неё и забыть какая у меня кровь, но пока мне нет 18 лет, я должна играть по правилам мафии. Адэлине в этом вопросе проще, она итальянка и частично связанна с моей семьей, но она свободнее меня, её позволено намного больше. Иногда я завидую ей, но имеем что имеем. Выйдя из особняка, мы с Адели, решили прогуляться по ночному саду в нашем особняке. Ветер был прохладным, но сейчас лето и на улице достаточно тепло, что ветер просто охлаждает разгоряченную кожу. Смотря на ночное небо, я думаю о маме, как она там, смотрю на звезды и понимаю, что одна из звезд на небе это она, она моя звезда, которая всегда рядом со мной.

Идя по тропинке мы почти доходим до фонтана который стоит в правой части сада. Но дойти мы не успеваем, меня окликают мой отец.

Мы оборачиваемся, и Адели, не думая уходит прочь оставляя нас один на один

-Лаурета сказала мне что ты сегодня проявила к ней не уважение? Это так? Капо посмотрел на меня пронизывающим взглядом, ожидая ответа, он думает что я покорная девочка, но у меня характер мамы.

-Как можно? Она ваша жена, я не смею, но пусть не трогает меня, я не трону её, она мне не мать, и говорить что мне делать не смеет! Я смотрела ему в глаза скучающим выражением лица. Я вижу как его глаза загораются в ярости, ему не нравится что он видит, он видит во мне мою мать, ту что не боялась его никогда, каким бы он не был.

-Signore, per questo, sei come tua madre, Carolina, sei mia figlia, ma non pensare che non ti punirò, per non aver mostrato rispetto per mia moglie! (Господи, за что, ты как и твоя мать такая же, Каролина, ты моя дочь, но не думай что я не накажу тебя, за не проявление не уважения к моей жене!) Как будто я боялась его наказаний, не знаю что он должен сделать, что бы я реально испугалась, нет ничего хуже быть в дали одной от дома, и переживать горе в одиночку без семьи. Меня больше ничем не испугаешь, и наказание не так страшно как ссылка, но теперь я хочу её. Подальше от всего, от него, от мафии, от этого мира, Капо видит это в моих глазах, он видит что я готова бороться, и я бросаю ему

ВЫЗОВ!

-Иди в свою комнату, для тебя вечер окончен, не порти Лаурете настроение, и не позорь меня, ты думаешь я не видел как моя дочь напивается, пренебрегая правилами нашего мира! Прорычав это , он развернулся и ушел гостям, а я побрела через черный вход что бы больше никого не видеть и не слышать. Хочу побыть одна, Идя через черный вход. Не думала тут увидеть Матео. Я скучала по этому старому хрычу, хотя он не такой уж и старый

-Cazzo! (Твою мать!) Матео, ты напугал меня, я чуть еще сильнее не посидела. Держась за сердце говорила я смотря ему в глаза

-Принцесса, не выражайся, еще слишком мелкая, где ты таких слов набралась? Говорил он смотря на меня укоризненным взглядом. Я видел твою перепалку с отцом, ты и вправду как Николетта, Слышать про маму больно, но не так сильно как страшно, Матео видит это, и как в детстве подходит обнимает и гладит по голове. Дает мне время прийти себя после его слов

- Прости, не хотел ранить тебя, я скучал принцесса, ты выросла, должна уже думать головой, а не эмоциями, не ссорься с Капо, не выводите его, пусть ты его дочь, но Лаурета молода и может подарить ему еще детей, один промах и она избавиться от тебя, её отец и мать хорошо её воспитали, научили быть циничной и

добиваться своего. Сказав это Матео пошел обратно, а я побрела в свою комнату.

Войдя в свою комнату, я скинула платье, взяла пижаму и полотенце, и пошла в душ, этот день был слишком долгий, как я выдержала после перелета, весь этот цирк. Приняв душ, и смыв себя усталость, я зашла в инстаграм и выставила пост « Я вернулась, Я дома» Выключила телефон и легла спать.

Утром меня разбудил будильник, который забыла выключить, чееерт кто придумал эти телефоны, каждое утро одни и те же слова, я сова, а не жаворонок. Открыв глаза, но лежа еще в постели я услышала в стук в дверь, дав разрешения войти, увидела Роберту, нашу экономку, чему обязана такому раннему визиту

-Роберта, что случилось, почему ты так рано пришла ко мне? Я даже с постели не шелохнулась, это первое утро за три года когда не нужно вставать и идти на учебу, первые настоящие каникулы.

- Мисс Бернарди, меня просил разбудить вас Капо, он ждет в своем кабинете, прошу поторопитесь, он не любит ждать. Договорив, она так же тихо ушла, как и вошла. После её ухода , я встала и побрела приводить себя в порядок, она права Капо не стоит заставлять ждать.

Одев рубашку, шорты и грубые ботинки, я пошла к отцу. Дойдя до его кабинета, я постучала костяшками

пальцев, и не дожидаясь ответа вошла. Капо сидел за своим рабочем месте, и что-то печатал в ноутбуке, когда я села в кресло напротив него, лишь тогда обратил на меня внимание

- Каролина, ты моя дочь, и в стенах дома я пропущу мимо глаз твое не подобающее провидение, но на людях, при семье, друзьях, при ком то чужом будь добра соблюдай правила. Я позвал для тебя, больше для другого твои вещи, слишком просты для дочери Капо, это золотая карта, на ней нет лимита, раз в месяц я буду её пополнять на карманные расходы сто тысяч евро в месяц. Этих денег должно хватить. Уперев взгляд в отца, я не понимала что происходит, от мамы мне достались её счета, о которых мой отец не знал, тех денег что лежали на спрятанном счете достаточно на 3 поколения вперед, даже развить 3 раза не удачно бизнес, и начать сначала, мама давным давно рассказала об этом счете, мой дед Дон США открыл его до свадьбы, и мама копила деньги на всякий случай, какой это случай так и не известно... Пусть так, посмотрев на карту, я взяла её, но повзляду отца я поняла это еще не все.

- Так же, я отдал твои документы в Гонзагу, это наилучшая школа, с уклоном бакалавриата, тебе там понравится, Адэлина тоже учиться там, и я зачислил тебя в её класс. Так же с этого дня Вико твой охран-

ник, и водитель, он будет с тобой везде, с ним познакомишься позже, а теперь ступай, у меня много работы, ужин 19, до этого времени займи себя. Ничего не сказав я встала и вышла из его кабинета, личный охранник, как то странно, и не привычно, хотя Адэлина тоже с ними ходит, но у нее они хоть прячутся, а вот мой чувствую будет как хвостик, конечно я же дочь Капо, меня нужно оберегать, пока мачеха не родит нового ребенка, к тому времени я надеюсь уйти из семьи.

Дойдя до кухни, я увидела как Роберта что-то готовит, тихонько зайдя в кухню, я села на барный стул, и стала наблюдать что она готовит, на кухне запах был просто шикарный, по запаху я определила что это была шарлотка, я детства её обожаю. Не став ничего говорить, я просто ждала когда меня заметят

-Каролина, *Carolina, piccola, respiri così tanto che è difficile non notarti* (Каролина, детка, ты так дышишь что тебя сложно не заметить) Хихикнув , я посмотрела с теплой улыбкой на Роберту, я люблю эту женщину, все же помимо мамы со мной сидела еще и Роберта.

- За три года так ничего и не изменилось, я все так же люблю твою шарлотку. Я смотрела на Роберту, и улыбалась. Я как будто вернулась обратно, в те времена когда еще жива была мама. Роберта мило улыбнулась. На кухне я с ней провела часа два если не боль-

ше, мы болтали, я расспрашивала что происходило за эти три года пока меня не было, не ожидала узнать столько всего нового. Мой дед Висконте Сальваторе, узнал о смерти своей дочери спустя три месяца, он был в гневе что ему не рассказали, Роберта тоже не стала говорить почему моя мама умерла, эту непонятную причину смерти хранили от меня все. В голове лишь один вопрос почему? Почему я не могу узнать от чего умерла моя мама. Так же узнала что мой отец решил жениться на дочери Капо Рива, спустя 4 месяца, когда я узнала об этом была очень зла, как он мог, пока я вдали от дома носила траур, он составлял договор о новой женитьбе, что бы добавить себе власть. Да и больше рассказывать нечего, остальное было по старому, но вот все были в шоке, когда отец отправил меня в пансион на три года, и даже летом запрещал приезжать. Меня больше интересовал вопрос в другом, почему отец решил жениться спустя три года, а не сразу как только заключил договор и почему именно выбрал дату моего возвращения, хотел показать другим что я все еще жива, или показать мне что я заменима другими детьми от второго брака? Вопросов много, а вот ответов мало, Роберта тоже не могла ответить на все мои вопросы, но я знаю кто мог Матео или же Адэлина, хотя не думаю что отец ей мог сообщить такое. Как говорят попытка не пытка. Проси-

дев еще какое-то время на кухне, мой покой нарушил Матео, входя в дом, как слон. Ахаха, я аж представила, как Матео входит на слоне в особняк представляю взгляд свое отца, не заметила как начала смеяться в голос

- Buongiorno Principessa (Доброе утро, принцесса)
Чего с утра веселишься?

- Матео, утречко, да ты просто ходишь как слон, но я представила как в дом тыходишь сидя на слоне, и взгляд моего отца. В этот раз мы засмеялись оба, но идиллию нарушила мачеха

-Что за шум? Матео? Мой муж ждет тебя в своем кабинете, нечего тут развлекать избалованных девчонок. От её нотаций я воспламенилась, хотела уже ей что то сказать. Как Матео меня опередил

-Лурета, я понимаю что ты жена Капо, но все же, я не твой охранник и говорить мне что делать уже перебор, я Консильери Италии. Разница в положений, высока. Развернулся и пошел к моему отцу. Я только фыркнула, Матео, хоть и был беспечен, но все же умел ставить на место.

-Не показывай свои зубки пока не закрепились тут,

ТЫ ТУТ ЛИШЬ ПЯТЬ МИНУТ. ТЫ ЧУЖАЯ ЗДЕСЬ, И ВСЕГДА ТАКОВОЙ БУДЕШЬ РОДИ ХОТЬ 20 ДЕТЕЙ, МОЯ ЖЕ МАМА РОДОМ ОТ СЮДА, И ТУТ ЕЁ ЛЮБИЛИ ВСЕ. ВЫСКАЗАВ СВОЕ МНЕНИЕ Я ВСТАЛА И УШЛА, ДАЖЕ НЕ РАЗОБРАЛА И НЕ СТАРАЛАСЬ ЧТО МНЕ ГОВОРИЛА ЭТА ЖЕНЩИНА В СПИНУ. ПОДНЯЛАСЬ К СЕБЕ, ВЗЯЛА СУМКУ, И ПОШЛА ИСКАТЬ ВИКО, К СЧАСТЬЮ ОН БЫЛ НА УЛИЦЕ И САМ ПОДОШЕЛ ПРЕДСТАВИЛСЯ. СКАЗАВ ЧТО МНЕ НУЖНО В МАГАЗИН ЗА ОДЕЖДОЙ, ОН ПОВЕЗ МЕНЯ В ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР. КАК Я И ДУМАЛА, ВИКО ХОДИЛ ЗА МНОЙ ХВОСТИКОМ. ПЯТЬ ЧАСОВ Я ХОДИЛА И ПОКУПАЛА СЕБЕ ОДЕЖДУ НА ВСЕ СЛУЧАИ ЖИЗНИ, Я ДАЖЕ НЕ ЗНАЮ, КАК ВИКО МЕНЯ ЕЩЕ НЕ УБИЛ, ПУСТЬ ПО НЕМУ ЭТОГО И НЕ СКАЖЕШЬ, НО ОН КАК И Я УСТАЛ, ОФОРМИВ ДОСТАВКУ НА ДОМ, Я РЕШИЛА ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ, ВСЕ ЖЕ Я КАК И РАНЬШЕ НЕ ЛЮБЛЮ ХОДИТЬ ПО МАГАЗИНАМ, ТЕМ БОЛЕЕ, ИСКАТЬ ЧИСТО ЧЕРНОЕ ОЧЕНЬ СЛОЖНО.

ПРИЕХАВ ДОМОЙ Я ПОДНЯЛАСЬ В СВОЮ КОМНАТУ, И ПОШЛА В РАССЛАБЛЯЮЩУЮ ВАННУ. СПУСТЯ ЧАС, В МОЮ КОМНАТУ ПРИНЕСЛИ МОИ ПОКУПКИ, И Я БЫЛА В ШОКЕ, Я ДАЖЕ И НЕ ЗАМЕТИЛА КАК НАКУПИЛА 82 ПАКЕТА С ОДЕЖДОЙ. ТВОЮ МАТЬ 82 ПАКЕТА С ОДЕЖДОЙ. ОФИГЕТЬ, ВОТ ЭТО Я РАЗОШЛАСЬ, ДАЖЕ КУПИЛА СЕБЕ НОВЫЙ АЙФОН 17 ПРО МАКС, ЧЕРНОГО ЦВЕТА. НАСТРОИВ ТЕЛЕФОН, ПРИВЯЗАВ КАРТУ ЧТО ВЫДАЛ МОЙ ОТЕЦ, Я РЕШИЛА ЗАЙТИ И ПОСМОТРЕТЬ СКОЛЬКО У МЕНЯ ОСТАЛОСЬ ЕЩЕ ДЕНЕГ, Я ДУМАЛА ЧТО ПОТРАТИЛА ВСЕ СТО ТЫСЯЧ ЕВРО ЗА ОДИН ДЕНЬ, НО

нет всего лишь 85тысяч, не понимаю то ли это много, то ли этого много, но мои вещи не из дешевых, все они в единственном экземпляре, так что все ок. Разобрав все свои вещи, я решила поболтать с Адели, и договориться погулять с ней завтра, вспомнить былые времена, и заново вспомнить мой дом.

Месяц спустя. Каролина

Месяц как я вернулась Палермо, месяц как я дома, а все еще не могу привыкнуть. Адели и я решили, начать ходить в спортзал который принадлежит семье, отец запретил ходить в другие, все же правила есть правила, пусть веснушка и могла ходить в любой, она согласилась ходить в спортзал который принадлежит семье. Адели, ходила туда что бы похудеть к началу учебного года, я же чисто для развлечения, с разрешения отца, мне разрешили заниматься рукопашным боем, помимо него я занималась йогой, плаванием и бегом, я хотела просто быть в форме, и поддерживать то что дала мне природа, да и для духовного развития полезно, так же я стала изучать психологию, философию, и начала снова рисовать. Спустя три года я снова взяла кисти в руки, так я знаю что моя мама со мной рядом, отец как и раньше все чаще и чаще ездит по разным городом, по работе, ничего не изменилось, хотя все же изменилось, взгляд он стал более

осторожным и скрытым, многое не говорил при мне, и многое скрывал, хотя и раньше такое было, но все же в глаза это не так бросалось. И вот направляясь на очередную тренировку из раздевалки, я натыкаюсь на что-то твердое, и очень мускулистое, руками опираясь на что-то. Хотя это не что-то, а кто-то, вернее Амо Висконти сын Дона Италии, я не сказала бы что низкая мой рост 170, но все же наклонить голову назад приходится, подняв голову вверх я натыкаюсь на изучающий взгляд, боже его глаза они просто завораживают, сколько мы так простояли не понятно, но все же Амо делает шаг назад.

-А вот и принцесса Бернарди, в честь свадьбы твоего отца я не успел представиться официально, но все же и здесь этого делать не буду, я подожду официального мероприятия, что бы дать понять кому ты принадлежишь. Я даже не спела что-то ответить, как он резко обошел меня и скрылся, за поворотом в другое крыло, а я как вкопанная стояла на одном месте, я не понимала что происходит, что он сказал? Кому я принадлежу? Да как он смеет, ух, меня просто разозлила эта ситуация, но вместо этого, я решила пойти сразу к груше, и выпустить пар на неё, Адели тоже заметила что, что-то случилось. Наверно час или полтора часа, я колотила эту грушу пока не выпустила весь

пар, измотанная, но счастливая я сошла с ринга, как уставилась опять в эти притягательные глаза, он стоял у стенки опираясь на нее, а рядом с ним его друзья. АРРР аж бесит, ко мне подходит веснушка и шепчет

- Карли, Амо всю твою тренировку не сводит с тебя взгляд, у меня мурашки идут по коже от этого, видимо ты ему понравилась, он и на свадьбе твоего отца на тебя смотрел... веснушка загадочно улыбнулась мне и подмигнула, я даже не знала что ответить, время тренировки закончилось, и пора уже возвращаться домой, я все же приняла правила игры отца, пока, и теперь соблюдаю все правила. Одно радует завтра суббота и мы с Адели решили устроить себе небольшой поход по магазинам с канцелярией.

Приехав домой, я пошла в кабинет отца, что бы доложить ему что вернулась, но подходя услышала, томные вздохи, и крики, фу-фу-фу какой кошмар, я знала что такое секс, но знать что твой отец это делает у себя в кабинете кошмар, тихонько на цыпочках, я быстро ушла от туда и пошла в гостиную, и стала ждать там, Роберта, носилась по дому давая указания другой прислуге, а я погрузилась в свои мысли, вспоминая сегодняшний день, Амо, красивый, высокий, загорелая кожа, темные волосы, выразительная внеш-

ность, но его глаза просто сводили меня с ума, он явно любимец девушек, такие парни не нуждаются во внимании. Мысли не давали покоя, почему он наблюдает за мной, почему он сказал мне сегодня что я принадлежу ему, опять одни вопросы, как я устала от этого мира, а мне еще терпеть это 11 месяцев. Мои мысли прервали голоса, и судя по шагам это был мой отец и мачеха

-Вито, я хочу в Париж, там так красиво говорят, пусть я там и была, но когда ты туда едешь с любимым там совершенно другой вид. О, посмотрите ка кто вернулся. Хмыкнув она поцеловала моего отца в щечку и ушла в столовую, я же смотрела на отца

-Когда ты вернулась? Отец подошел ко мне и сел в кресло, тяжело вздохнув он продолжил.. Каролина, я не требую от тебя многого, но соблюдай правила, ты же знаешь во сколько должна быть дома? ОН повернул голову ко мне и ждал ответа

- Капо, я вернулась в уговоренное вами время, полтора часа назад, но когда я хотела сообщить о своем приходе, вы в кабинете были заняты кое чем. Я повернула голову к нему и прямо смотрела в глаза, отец ничего не сказав тоже ушел, он получил ответ и гово-

ритель больше не желал. Встав с дивана, пошла в свою комнату, приняла душ, и стала переписываться с веснушкой

«Твой отец уже сказал что на следующей неделе Дон созывает всех Капо, чинов, и тех кто связан с мафией, на свою годовщину женой?» Хм.. почему отец мне этого не сказал, что его тревожит, или же он забыл? Хотя для него и забыть это не похоже, скорее всего скажет завтра

«Нет, думаю завтра скажет, я приехала домой, а он в кабинете с мачехой делали детей. Фу мерзость это вспоминать» Отправив я получила смайлик которого рвет, поболтав еще где-то два часа с веснушкой мы пошли спать, день и так был сегодня насущенный, пора спать...Утро -вечера мудренее

Амо

Черт эта девчонка сводит меня с ума, зацепила так зацепила, после свадьбы Капо Бернарди, я и не думал снова её встретить, но надеялся, ждал, терпеливо ждал. А пока занялся тем что получается лучше всего, убивать, контролировать, добывать информацию.

Работы всегда было много, часть сделок, поставок,

помимо поручений отца, и своей работы было много, я и Марко просто зашивались да и половина моих парней с которыми мы работали. Неделька выдалась жаркой, и вот на очередном контроле отправки товара, другому клану, мы в очередной раз поймали крысу, и пришлось быстром темпе менять все, хорошо что я продумываю на два хода вперед. Вот стою и смотрю как парни пытаются вытащить информацию, а у самого кулаки чешутся да и не только, как только подумал, у меня звонит телефон, вытащив и посмотрев кто там я усмехаюсь, Натали как всегда, либо денег либо соскучилась, поднимаю трубку и выхожу

-Я тебя просил самой мне не звонить, если что-то срочно пиши, освобожусь наберу. Прорычав ей это в трубку, на что лишь слышу обиженное сипение

- Амушка, я так то соскучилась по тебе, бельиииш-кооо такое приикуупиилаа, как ты любишь, красное, кружевное, прозрачное....

АППР бесит, так еще и слова растягивает, дак еще ласкательными словами называет, раньше она не была такой наглой, была покорной, но последние месяцы аж выводит, стараюсь меньше с ней видится

-НАТАЛИ,Basta, cazzo.(хватит, заебала) У нас был договор секс и не больше, получаешь бабки и не больше... Я рычу в трубку не сдерживаясь, а потом просто психую и отрубая звонок, достала, надо срочно это заканчивать, тем более у меня там la mia stella (моя звезда) растёт, не нужно ей знать грязную часть моей жизни. С Натали мы познакомились два года назад в клубе, она приехала сюда из Сиэтла, она всегда была яркой и амбициозной, сама запрыгнула на меня, сама предложила секс и не больше, а последние месяцы аж чего-то хочет, не отлипает. Возвращаюсь обратно к парням, и вижу что наша крыса уже трупик, ну пиздец я еще и без развлечений не день, а хуета

-Выяснили, кому он нас слил? Перевожу взгляд, с одного на другого и понимаю что выяснили, ухмыляюсь, красавчики че, значит умеют делать свою работу, подхожу к Марко, и прошу дать сигарету, давно бросил конечно, но сегодня день дерьмо...

-Ты же бросил, или твоя кукла чет выдумывает? Думает как тебя окольцевать. Сучара, и ржать начинает, прикуриваю сигарету, и ловлю пяти секундный кайф, правда тело не расслабляет особо, а еще есть два дела на сегодня, опять домой ночью приеду

-Завали, достала она меня, ты же сам знаешь что мы на таких не женимся, а мне еще рано, мне ток 23, еще рано, но есть у меня один вариант, ток она малышка еще. А сам про себя ухмыляюсь, о мыслях как своего ангела развращать буду

-Хули ты так улыбаешься? Погоди, ты что на дочь Бернарди запал? Вот это да, наше каменное сердце ко-го-то приметил.. И бровями своими играет, вот скотина он все же, ничего не говоря, выбрасываю сигу, и даю парням приказ что бы скинули всю добытую информацию мне. Иду к тачке и еду к отцу

Доехав до отца, еще сижу минут пять в машине читая что нарыли парни, и просто охуеваю от жизни, чертовы якудза, и тут они решили нам дорогу перейти, cagna cazzo Sì pieno scopata (сука, блять, да полный пиздец) Из машины просто вылетаю, и с полученной информацией лечу к отцу, не обращая внимания на мать, ни на шокированную экономку, несусь к отцу, без стука влетаю в кабинет, а у отца не плохая реакция, в моменте наставляет пушку, видит меня и убивает

-Амо, какого черта, а если бы я выстрелил, что про-

исходит? Я жду объяснений! Выдохнув, перевожу дыхание, и кидаю папку с информацией на стол. Отец смотрит не понимая, а потом видит то отчего его глаза просто ожесточаются

-Нашли их на ней территории? Как всегда в любой ситуации один конкретный вопрос не более

-Отправил парней, Алвизе тоже передал информацию, скоро будет у вас Дон. Обращаюсь к нему официально, потому что и так влетел как к себе домой. Отец взял документы продолжил их читать, пока наши люди, ищут этих предателей и крыс, в течении 10 минут приезжает Марко и Алвизе, мы начинаем обсуждать план поимки, и дальнейшие действия, предупреждая всех Капо. Работу я заканчиваю в три часа утра, поспать 4 часа, пиздец, сонный, злой, уставший доезжаю до квартиры, и просто валюсь спать без задних ног.

Утром мне звонит Марко, предлагает сгонять в спорт-клуб, на спарринг, да и так мышцы размять, сегодня дел ни каких, ток пару своих ресторанов заехать проверить. Соглашаясь на его авантюру, я встаю и собираюсь, ринг самый лучший способ выпустить пар, одно время мы как то с Марко участвовали в боях без правил, не плохие бабки поднимали, пока наши отцы не узнали, тогда мы год свое наказание отбывали в

Мессине под руководством Капо Арка. Тогда мы знатно повеселились. Вот и сейчас вспомним былое, часа четыре мы провели на ринге. Выдохнувшись, решили немного перевести дух, да и поболтать с местными парнями, кто входит в наш круг, в основном это дети чинов, вот им и известно кто мы с Марко. Переведя взгляд на вход, я увидел знакомые глаза, и цвет волос да и она не одна опять с этой Адэлиной, дочь судьи тоже не плохая девчонка, ток не в моем вкусе, хм, мой ангел тоже ходит спортзал, только ей вот зачем? Не заметив меня, девушки идут в женскую раздевалку, а я отхожу от парней и иду за ними, жду когда выйдет первой Флоренци, караулю своего ангела, и вот открывается дверь, она не смотрит перед собой и точно по секунде влетает меня. Замирает, ладошками своими мой пресс трогает, и дышит часто, чувствовать ее одно удовольствию. Черт, она поди ушиблась об меня, у меня одни мышцы, тело то на тренированное, накаченное... Опустив голову смотрю на нее, вроде рост не маленький, а до меня не достает, все же я 195, и тут поднимает свои глаза, а я в них утопаю, глаза у нее синее как море, как океан, ведьма ей богу, *la mia stella* (моя звезда) ухмыльнувшись смотря прямо ей в глаза говорю

- А вот и принцесса Бернарди, в честь свадьбы тво-

его отца я не успел представиться официально, но все же и здесь этого делать не буду, я подожду официального мероприятия, что бы дать понять кому ты принадлежишь. И уйду прочь пока до неё доходит. К парням иду с победной и довольной улыбкой, Марко это видит, и приподнимает бровь, безвольно спрашивая что как, качаю головой, отмахиваясь от него, и смотрю кто там на ринге так пыхтит, и офигиваю, а там он ангел не плохо так грушу изводит. Смотрю и АХреневаю от ее вида, как же ей разрешил Капо заниматься таким, хотя если просто для себя, то и я не против, строптивый мой ангелок мне нравится. На полтора часа я просто залип на ней, как Каролина отрабатывает удары. Хотел бы подольше посмотреть на нее, но у меня еще есть дела в легальном бизнесе, скоро мой ангел скоро все будут знать что ты моя.

Поехав «Forza» это мой ресторан, первый от которого я открыл еще 5 таких, только в каждом разная кухня, «Forza» специализируется чисто на итальянской кухне, здесь работают первоклассные повара.

Доехав до места, захожу к себе в кабинет, просматриваю отчеты, прошу Ларетту принести мне виски, потому что с отчетами я тут надолго, тут еще надо бухгалтеру позвонить, Ларетта как управляющая справ-

ляется. Но все же надо всегда проверять, что бы руку на пульсе не держать. Не заметил как просидел 3 часа с документами, за то все проверил, все же Ларетта справляется со всем, просто умничка. Только собрался уходить как влетает в кабинет Натали, да твою же...

- Я так и знала что ты тут, увидела твою машину, когда проезжала мимо, решила заехать, я так сучала по тебе, мне не хватает, своего злого, страшного мужчину.... Губки кусает, глазки строит, телом прижимается. Ай к ЧЕРТУ, резко разворачиваю, кладу грудью на стол, а сам иду закрывать дверь, и достаю резинки, снимаю брюки, Натали сегодня в платье, мне проще. Надев резинку, не проверяя готова она или нет, но раз не сопротивляется.... В гоняю в нее свой член и слышу как она стонет, сукаа, не то, её дырка уже расшатана, не чувствую ту упругость, сжатие, и её крики бесят, затыкаю ей рот ладонью, и продолжаю трахать её, захожу в нее со всей скорости. Беру её так как мне нравится, грубо, жёстко, быстро, а она продолжает стонать, перестаю себя контролировать и кончаю выходя из нее, даже в резинке такое не кончаю внутрь, мне плевать получила она разрядку или нет, да и я лишь только спустил, но кайф не поймал

- Больше не приходи. Те деньги которые у тебя есть, это последние, больше ты мне нужна. Смотрю на нее безразличным взглядом, а она медленно так оборачивается губы в тонкую полоску сжимает, чуть ли не ревет

- Ты... Ты.... Ты сейчас серьезно? Ты трахнул меня как шлюху, и бросаешь, я думала мы привыкли к друг другу, я все делаю для тебя, стараюсь, быть идеальной для тебя, а ты вот так вот.... И ревет, и глаза на мокром месте.. Не на вижу слезы, эту игру в притворство

- Уходи, мне ты больше не нужна, ты сама предложила секс и только, а сейчас ты дешевая кукла, денег на карте тебе хватит на год или больше, если будешь слегка экономить, а если дальше продолжить тратить хватит ток на три месяца. Надоело церемониться, спускаю её платье и вывожу и кабинета, затем из ресторана, персоналу даю указания больше её не впускать только в зал, не дальше.

Завожу тачку и еду в другой ресторан, и опять все по новой, документы, бухгалтерия, отчетность и вот уже время девять часов, весь день прошел, за то на две недели опять могу забыть про рестораны. Подъ-

езжая к дому, звонит мобильник, смотрю отец беру трубку, и слышу что на следующей неделе их юбилей с мамой, 25 лет в браке, не плохой такой рекорд. Принимая его приказ, захожу в квартиру, и понимаю что вот оно, тот день когда я буду представлен официально своей звездочке. Улыбаясь во весь рот, ложусь с этими мыслями спать...

Каролина

Посреди ночи просыпаюсь от того, что мне приснился Амо Висконти. *Diavolo, perché ora, anche in un sogno, non c'è rase da lui* (Черт, почему сейчас-то даже во сне нет от него покоя). Вот не зря говорят: прилип, как репей. Ну ничего, я еще дам ему жару, я никому не позволю нарушить мою цель, я четко знаю, чего я хочу, и я хочу уехать отсюда, быть вдали от моего отца, от его новой жены. Посмотрев на время, я ужаснулась: час ночи, серьезно? Вот реально дьявол, от таких кошмаров мне спать больше не хочется, встав с кровати, я выглянула в окно, а там дождь, прекрасно еще и в сад не выйти... Как жаль, что нет мамы рядом, смотря на дождь, я погрузилась в воспоминания.

Каролина (10 лет)

Я проснулась утром, зная, что мама уже с 3 утра рисует в саду, я быстро соскочила с кровати и побежала к ней, но когда хотела уже выйти в сад, меня остановил голос мамы.

- Ну и куда ты, *La mia Stella* (моя звезда), побежала? Мама стояла с улыбкой на лице, с кисточкой и вся измазанная краской. Задумавшись, я не понимала, почему мама рисует дома, она всегда рисует в саду, там красиво и свежо.

- *Mamma, perché sei qui?* (Мамочка, а почему ты тут?) Я смотрела на нее озадачено.

- Милая, там дождик, а когда идет дождь, очень сложно рисовать, поэтому я рисую дома, и рисую я дождик. Мама хитро улыбнулась, подмигнула и ушла в свой кабинет. Хотелось пойти за ней, но на улице был дождь, а я любила дождик, точнее, бегать под ним и играть, правда, я знала, что за это меня ждет наказание, но мама не даст меня обидеть сильно, и я выбежала на улицу и начала веселиться. Мама, видимо, увидела меня в окно, что я бегаю опять под дождем, и вышла на улицу, она смотрела, качая головой, и задорно улыбалась мне.

Я вынырнула из воспоминаний, почувствовав, как по щекам идут слезы, я так давно не ревела, я даже при маме больше не могла этого делать, отец все слезы тогда выбил из меня. Вы не подумайте, Капо никогда меня не бил, но методы у него были извращенные, если бы мальчика уже лупили кнутом, то меня ставили коленями на крупу, и так я стояла по 10 часов, а это самое неприятное, я думала, что уже разучилась плакать, но все же глубокие мысли о маме вызывают такую тоску... Решив, что больше не буду вспоминать, легла обратно спать, думаю, Висконти мне больше не приснится. Так и

вышло, я проснулась после обеда, но сны мне не снились, я выпалась и была в отличном настроении. Дождь прошёл, и я решила выйти в сад порисовать, это отличная возможность занять себя на весь день, с такими мыслями я выходила из комнаты, но кто бы мне дал нормально порисовать, ко мне подошла Роберта, сказав, что меня ожидает отец. Всегда он всё портит, дойдя до кабинета отца, я постучала и после слов «войди» открыла дверь.

- Каролина, я уезжаю в Геную, Лаурета едет со мной, в доме ты будешь одна, но охрану я удвоил, пока меня нет в городе, пишешь свой шаг мне, Вико 24/7 будет рядом, без разрешения ты дом не покидаешь, я ясно выразился? Нет, не ясно, какого дьявола, с хера ли я должна писать каждый шаг, мне хочется накричать на него, но я молчу, я поняла, что это не просьба, это приказ, всё, что я могу сказать, это лишь:

- Да, отец, я поняла тебя, на сколько ты с ней уезжаешь? Я специально перешла на «ты», а, ибо нехуй говорить со мной как с пятилеткой, он и в пять лет так не говорил со мной.

- Как же я устал... Можешь идти, и да, чуть не забыл, на следующей неделе Дон отмечает годовщину свадьбы, наша семья приглашена, Каролина, надень не такое мрачное платье, какие ты носишь постоянно, смени цвет, это праздник Дона, а теперь вступай. Не став ему ничего говорить, я вышла из кабинета и пошла в сад убирать весь негатив, который скопился из-за отца. Попросив служанок вынести мне предметы для рисования, я устроилась под деревом, где часто любила

сидеть мама. Честно, я даже не знала, что рисовать, хотела портрет, но кого? На ум ничего не приходило, и тут я вспомнила годовщину Дона, а почему бы и не нарисовать собственно его семью, с улыбкой на лице я принялась рисовать, в итоге я нашла, как выглядит жена Дона и сам Дон. Так я просидела до позднего часа, когда уже совсем ничего не видно, взяв не законченную картину собой, я также приказала убрать, половину работы я сделала, к мероприятию я как раз закончу, думаю, Дон примет такой подарок, да и его жена тоже.

На следующий день я опять провела за картиной, отец и его жена уехали еще утром, раз мероприятие не за горами, думаю, отец уехал на 3-4 дня, не больше. В промежутках от работы я бегала на кухню поесть, попить чай и бежала продолжать картину, Роберта смотрела на меня и лишь качала головой, потом уже оставшиеся полдня она отправляла ко мне Викторию, то чай принесет, то покушать, то просто фрукты, то плед, чтобы не мерзла, ха-ха, ей-богу, как с маленькой, досидев опять допоздна, не заметила, как прошел мой день.

Амо

Самое бесячее утро за всю мою жизнь. Во-первых, я проснулся посреди ночи оттого, что мне снился мой ангел. Во-вторых, из-за дождя. Больше всего на свете я не люблю погоду после дождя: слякоть, лужи и тех, кто не умеет ез-

дить. Еду в машине и матерюсь на всех подряд.

С утра парни позвонили и сообщили, что взяли одного из якудза. И я поехал на склады, где мы всё и делаем. С одной стороны, отлично, с другой — я хотел подольше поспать. У меня за этот месяц наконец-то выпал полноценный свободный день. Хотел выяснить причину сокрытия Каролины, но все планы пошли прахом.

Доехав до склада, не ставя машину на сигнализацию, иду к парням. Замечаю знакомые лица: Матео и Марко. Если Марко я ещё не удивлён видеть, то вот Матео... Это вроде моя зона ответственности.

— Какими судьбами к нам занесло старого лиса? — говорю я, улыбаясь, как Чеширский кот. Матео ведётся на мой подкол.

— Я хоть и старый, но тебя уж уделаю. Но я здесь лишь для того, чтобы показать, как надо добывать информацию у таких, как он, — Матео дёрнул головой в сторону двери.

Посмотрев на него, я понял, что он уже что-то задумал. Я знаю его достаточно хорошо: он мой учитель и всегда им будет. Матео сам по себе очень хитрый лис. Пусть на вид он беспечен, но многие его боятся из-за шрама на лице. У этого шрама самая страшная история, и те, кто её знают, обходят Матео стороной. Но я лишь за это его уважаю.

Смотреть, как Матео вытягивает информацию из якудза, очень интересно, но от того, что он делает, у самого чешутся руки. Однако я понимаю, что лучше не рисковать: ко-

гда Матео занят делом, никому не стоит лезть. Стилъ его «допросов» — это просто нечто. Дьявол... А Матео — красавчик: управился за 10 минут. Когда я понял, что мои парни всю ночь «развлекались» с ним...

Матео — хитрый лис, умеет так умеет... Собрав всю информацию, я с Марко поехал к моему отцу. Его отец тоже у Дона, да и после работы я хотел повидать маму.

Зайдя в кабинет отца, мы стали ждать, что он скажет, какие действия стоит предпринять.

— Масару Такуми, глава якудза... Когда-то мы работали с ним, но он решил уйти из отдела. И вот, спустя 35 лет, этот урод возвращается, — мой отец говорит спокойно, даже задумчиво, как будто вспоминая слабые места.

— Il mondo è grande, ma abbiamo sempre avuto poco spazio («Мир большой, но нам всегда было мало места»). У него есть дочь — единственное, что он ценит в этой жизни... после смерти жены, — Дон тянется к папке, открывает её и даёт задание мне и Марко: — Мне нужно, чтобы вы поймали её, привезли, Амо, Марко, живой, нетронутой и целой. У вас два дня, чтобы придумать, как это сделать. В этой папке вся информация.

Дон посмотрел на нас своим суровым взглядом и, кивнув головой, отправил на задание.

— А девочка-то красотка, — Марко шёл и изучал папку. Я заглянул в папку, хмыкнул и пошёл дальше. Надо думать о задании, а в мыслях — Каролина. Да чтоб тебя, что же де-

лать-то? Какого дьявола она так засела в голове? Задумавшись, я даже не заметил, как уже оказался у машины... Чёрт, мама! Плюнул и пошёл обратно. Марко поехал по своим делам; договорились встретиться позже.

— Мам, скажи, когда ты увидела отца, что тогда подумала? — я зашёл к маме в кабинет и спросил. Моя мама, пусть и женщина, но отец разрешил ей пойти учиться на юриста. Теперь она наш адвокат, причём самый лучший. Как говорят в нашем мире, Лукреция Висконти — женщина с милой улыбкой и ангельским лицом, но, если с ней связаться, она сожрёт тебя, как акула.

Мама подняла голову от документов, посмотрела вопросительно и жестом указала сесть.

— Амо, меня очень озадачивает твой вопрос, но я отвечу, — задумавшись, мама не заметила, как начала стучать пальцами по столу. Вот откуда у меня такая привычка, когда я думаю...

— Знаешь, твоему отцу тогда было 33 года. Он уже пять лет был Доном. Мне исполнилось только 18 лет. На одном из вечеров у моего отца мне сообщили, что я стану женой дона другого клана — чтобы объединить два больших клана в один. Так и вышло. Когда я увидела твоего отца, я боялась его, потому что знала лишь слухи о нём, боялась его тёмного и звериного взгляда. Что с меня взять — я была молодой и глупой. Со временем я полюбила твоего отца: и тёмную его сторону, и ту, что он открывал только мне...

Амо, я знаю насчёт дочери якудза. Я не буду отговаривать или что-то ещё — против твоего отца не пойду. Но хочу тебя попросить: будь аккуратен, не попадись. Как адвокат семьи, я уже работаю над алиби и буду держать ухо востро.

Я кивнул маме и поблагодарил за ответ. Я не Дон, но обо мне тоже ходит много слухов. Говорят, я даже более сумасшедший, чем мой отец в мои годы.

Уехав от родителей, я заехал в один из клубов, где зависают наши...

Амо

В клубе было очень оживлённо — для будних дней тут собралось слишком много народу. Клуб принадлежал одному из отцовских капитанов. Пройдя к вип-зоне, я увидел, что за столом уже сидят Марко, Рензо — наш молодой врач, — пара парней из числа богатых бизнесменов и, конечно, девчонки. Их даже больше, чем нас. Ух, кому-то сегодня точно повезёт.

Марко, словно Чеширский кот, уже прибрал к рукам двоих и купался в их ласке. Сев за стол, я стал слушать, о чём говорят парни, поддерживал разговор и пил виски. После десяти бокала мозг начал расслабляться, и вот уже на моих коленях сидит какая-то девчонка и пытается меня соблазнить.

Марко уже упился в стельку, но я знал: этот негодяй проснётся свежим, как огурчик. А вот мне будет тяжело. Я никогда не знал меры в алкоголе, но даже в таком состоянии

мог бы кого-нибудь убить. Было дело: на своё шестнадцатилетие мы с Марко так напились, что не заметили врагов. Нас хотели похитить, но они не знали, что мы уже прошли обучение и в свои годы были опаснее любого солдата, закончившего курс. Тогда я, кажется, убил пятерых — ключом от машины. После этого про меня пошли слухи, будто я новый Джон Уик... Ха-ха, смешно. Но сейчас не об этом.

Завтра нужно воплотить план в реальность. Завтра я улетаю в Токио. У меня есть всего два дня, чтобы всё сделать безупречно — тихо и быстро. А пока... пусть эта малышка, что ерзает у меня на коленях, думает, что сегодня она главная.

— Малышка, если хочешь меня — просто попроси, — томно шепчу ей на ухо и сильно сжимаю бедро, вдавливая пальцы. Девчонка закатывает глаза и стонет. Недолго думая, веду её в другую вип-комнату.

Зайдя внутрь, закрываю дверь, сажусь на диван и смотрю на неё. Жду, когда она сделает первый шаг. Долго думать она не собирается: подходит, опускается передо мной на колени, облизывает губы. Я сижу, закинув руки на спинку дивана. Сегодня мне не хочется ничего делать — пусть она рулит. Посмотрим, на что способна.

Пару секунд она возится с моей ширинкой, тянет время, будто надеется, что я сорвусь. Но мне это уже надоедает.

— Если не возьмёшь меня в рот, я найду себе другую, — ухмыляюсь и жду её реакции.

Девочка не глупа: понимает намёк. Делает всё, но... я не чувствую того кайфа, что был раньше. Она старается, но будто не попадает в ритм. Наверное, я просто перепил. Останавливаю её, встаю, застёгиваю джинсы, кидаю на стол 250 евро и ухожу.

Забив на парней, еду домой. Не мой сегодня день.

Марко пишу, что я «погнал», и желаю «хорошего уик-энда». В ответ присылает фото: целует одну девушку, а вторая скачет на нём. И правда, счастливый сучёныш.

Дома достаю досье и начинаю читать. Раз с сексом не вышло — займусь делом.

Марко прав: девчонка милая. Акеми Такуми, дочь главы якудза, двадцать лет. Она не похожа ни на кореянку, ни на отца. Странно. Дальше: учится на втором курсе То:кё: Дайгаку, живёт отдельно от отца, в общежитии. Попалась, птичка. Думал, что на это дело уйдёт два дня, но, кажется, справлюсь быстрее.

Сижу и ухмыляюсь, прокручивая в голове каждый шаг. Скидываю план отцу на одобрение и валюсь спать прямо в гостиной — лень идти в комнату.

Утром звонит телефон. Я, сонный и всё ещё с похмелья, еле нахожу его на полу и отвечаю, не глядя на экран.

— Считаю себя уже мёртвым, потому что с утра я злой, — бормочу, закрывая один глаз, и продолжаю лежать с телефоном у уха, пока не слышу голос Альвизе.

— Радуйся, что я не Дон, Амо. Мне скинули твой план —

отец его одобрил. Самолёт готов, охрана тоже. Помимо тебя и Марко, едут ещё двое — для прикрытия. Марко уже едет за тобой. Перед отлётом заедешь к Дону — он ждёт. И, Амо, он знает насчёт вчерашней тусовки. Ты не мальчишка, а наследник Дона. Так будь им. *Виюн тодо ragazzo* — (хорошего пути, мальчик).

Альвизе отключается. Я пытаюсь оторвать себя от дивана. В тот момент, когда я встаю и собираюсь пойти сварить кофе, в дверь врывается Марко — ухмыляется во весь рот. Реально сучёныш.

— Чего ты такой довольный? Мне так и хочется выпустить в тебя всю обойму, — ворчу и иду дальше, на кухню.

— Потому что из меня весь алкоголь выветрился благодаря двум цыпочкам. А вот тебе, брат, явно хреново. Давай приходи в себя: у нас самолёт через четыре с половиной часа, ещё надо заехать к Дону.

Я хмыкаю, запускаю кофемашину и жду. Чувствую, что без кофеина сегодня не обойтись. Допиваю вторую кружку и хоть немного прихожу в себя. Пора собираться.

Мы с Марко едем к Дону. Интуиция подсказывает: сейчас меня будут разносить в пух и прах.

Стою в кабинете Дона. Марко болтает с моей матерью на кухне, а я — наедине с отцом.

— *Dimmi chi cazzo sei ? (Скажи мне блять кто ты?)* — Отец смотрит на меня не как на сына, а как на солдата, который серьёзно накосячил. Я хочу что-то сказать, но он не

даёт и слова вставить — останавливает одним взглядом.

— *Non sei solo mio figlio, sei il mio erede, l'erede di un clan forte, sei l'erede della mafia, e ti comporti come un bambino !* — (Ты не только мой сын, ты мой наследник, наследник сильного клана, наследник мафии, а ведёшь себя как ребёнок)!

Отец битый час выговаривает мне за поведение, учит, как должен держаться будущий глава. Его слова бьют по нервам, но я слушаю. Когда он заканчивает, зовёт Марко, Карло и Леона. Карло и Леон — наши капитаны, одни из лучших ищеек. Получив последние наставления и ещё раз обсудив каждый шаг, мы отправляемся в Токио.

Это наше с Марко первое задание в другой стране. Нельзя облажаться — иначе опозорим себя и наших отцов.

Через пятнадцать часов мы добираемся до точки. Я никогда раньше не бывал в Токио, но спокойно говорю на восьми языках: корейском, финском, английском, японском, испанском, армянском, арабском и шведском. К своим двадцати трём годам я успел получить два высших образования — юридическое и экономическое. Для главы клана это не просто полезно — это необходимо. Да и для управления бизнесом такие знания не помешают.

Заезжаем в снятую квартиру в неприметном районе. После долгого перелёта решаем отдохнуть пару часов, а потом приступить к делу. У нас ровно сутки, чтобы забрать девчонку и убраться отсюда.

Утром мы с Марко обсудили последние детали и поехали

к общезнанию, где живёт Акеми. Напряжение висело в воздухе, как перед грозой: один неверный шаг — и всё рухнет. Марко вызвался её соблазнить и отвлечь. Я чувствовал, как под кожей зудит адреналин: слишком многое поставлено на кон, слишком высоки ставки.

Дожидаемся, когда она выйдет. Марко, изображая потевшего туриста, нервно теребит карту и пытается что-то объяснить Акеми на ломаном английском. Она останавливается, чуть хмурится, но любопытство берёт верх. Я сижу за рулём тонированной машины, пальцы впиваются в руль так, что костяшки белеют. В зеркале заднего вида мелькает вторая машина — Карло и Леон. Они держат сектор, следят, чтобы за Акеми не было слежки и чтобы мы сами не засветились. Если хоть один хвост прицепится — план рассыплется в пыль.

План простой, но от этого не менее опасный: Марко зовёт её на прогулку, покупает кофе в парке, подсыпает туда безопасное для здоровья снотворное. Три минуты, пять — и действие начнётся. Мы просчитали всё до секунды: у нас ровно сутки, чтобы забрать девчонку и убраться отсюда. Одна ошибка — и отец не просто разнесёт меня в кабинете, он сотрёт меня из своей жизни.

Спустя три часа они идут с кофе, мило разговаривают и направляются к нашей машине. Акеми смеётся над какой-то неуклюжей шуткой Марко, не подозревая, что в её крови уже растекается препарат. Её шаг становится чуть неувереннее,

она на секунду спотыкается, но Марко тут как тут — ловко подхватывает её под локоть, будто это просто случайность.

— Всё в порядке? — спрашивает он, и в его голосе звучит идеальная смесь заботы и лёгкого волнения.

Акеми кивает, но взгляд уже чуть расфокусирован. Она пытается улыбнуться, но улыбка выходит вялой, словно лицо не слушается.

Они подходят к машине. Я не дышу. В этот момент мир сужается до одной точки — до неё.

У машины Акеми вдруг резко покачивается, будто земля уходит из-под ног. Её глаза на долю секунды расширяются — она чувствует, что-то не так, пытается схватиться за реальность, но силы уже тают. Марко ловит её мгновенно, без лишнего драматизма, профессионально, как будто делает это каждый день. Он ловко укладывает её в салон, движения отработаны до автоматизма.

Как только он запрыгивает внутрь, я срываюсь с места. Мотор взывает, машина рвётся вперёд, шины визжат по асфальту. В зеркале мелькает лицо Акеми — глаза полузакрыты, дыхание ровное, но она уже не здесь.

Вторая машина срывается следом — Карло и Леон прикрывают тыл, сканируют пространство, ищут любой признак тревоги: бегущего охранника, вспыхнувшие фары, резкий поворот чужого авто. Радио трещит, голос Леона короткий и сухой:

— Чисто. Пока чисто.

Я мчу к самолёту, выжимая из машины всё, на что она способна. Светофоры мелькают, как кадры в ускоренной съёмке. Каждый перекрёсток — это риск, каждая секунда — на вес золота. В голове стучит одна мысль: «Только бы не сирена. Только бы не погоня».

Мы влетаем на взлётную полосу, когда солнце уже начинает подниматься над горизонтом, окрашивая город в тревожные оттенки. Самолёт ждёт, двигатели уже прогреты. Мы вытаскиваем Акеми, бережно, но быстро, и заносим внутрь. Дверь закрывается с глухим, окончательным звуком.

Когда шасси отрываются от земли, я наконец выдыхаю. К тому моменту, когда Акеми проснётся, мы будем уже в Палермо.

Задание выполнено. Но в груди всё ещё гудит напряжение — будто ток бежит по венам. Это было слишком близко к провалу. Слишком.

Каролина

До дня мероприятия оставалось буквально пару дней, а отец так и не вернулся из поездки. Это было на него не похоже. Раньше, ещё три года назад, если предстояло важное событие, он всегда возвращался домой за три-четыре дня. Но теперь всё было иначе. Каждый день я продолжала рисовать семью Висконти. Сейчас я прорисовывала лица и особенно заострила внимание на лице Амо — и вдруг по коже пробежал холодок от какого-то непонятного чувства, а в животе

будто что-то шевельнулось. Но я не могла дать этим эмоциям выход. За те три года, что я прожила в пансионате вдали от дома, от воспоминаний о семье, я твёрдо решила: чего бы это ни стоило, я уйду из мафиозной семьи и стану другим человеком. Но кровь не переписать: не изменить ни мой огненный характер, ни темперамент. Я должна сделать всё, чтобы моя мечта, мой план, моя цель стали реальностью.

Чтобы отвлечься от лица Амо, я решила прогуляться по саду. Погода стояла великолепная: тёплое солнце ласково согревало кожу, а прохладный ветерок нежно обдувал лицо. Для лета — просто идеально. Недолго думая, я решила, что, пока не началась учёба, стоит съездить на пляж и познакомиться с будущими одноклассниками — думаю, мы найдём общий язык.

Дойдя до края сада, я заметила тропинку, которая уводила в лес. Она вела куда-то вглубь, но куда именно? Любопытство взяло верх, и я пошла по ней. Вскоре тропинка вывела меня на поляну, где блестел пруд. Я подошла ближе и остановилась. Лучи солнца падали на воду, создавая причудливую игру света — это выглядело так красиво и загадочно. Место было тихим, уединённым. Рядом виднелся небольшой открытый участок — будто здесь когда-то и правда собирались что-то строить. Пруд находился в нескольких метрах от него, а вокруг стеной стоял лес. Тропинка как раз и вела в это тайное, почти волшебное место. Мне вдруг отчаянно захоте-

лось жить здесь. Но этот маленький мир, который я открыла для себя, находился на территории Капо. Да и отец вряд ли разрешил бы мне построить тут хоть крошечный домик — мой тихий уголок для творчества.

Интересно, откуда взялась эта тропинка? Раньше, гуляя по саду, я её не замечала. Лес всегда был здесь — одна из особенностей особняка. Какой-то мой далёкий прадед выкупил эти земли, половину леса вырубил и построил особняк. Спустя время дом стали считать одним из самых загадочных и прекрасных мест. Так думала и моя мама.

Стоя у пруда, я размышляла, как убедить отца позволить мне обустроить здесь свой уголок. Я хотела провести тут время до восемнадцати лет, спрятавшись и от него, и от его жены.

Я отвыкла от отца. Три года назад я его любила — и, наверное, люблю до сих пор. Но в пансионате меня словно отучили от этого чувства. Я до сих пор помню, как рыдала, когда он отправлял меня туда, умоляла не делать этого, хотела остаться с ним и с мамой. Но он был непреклонен. Ему не хотелось ни видеть меня, ни слышать мой голос, ни терпеть мои ежедневные срывы. Что он вообще мог ждать от девочки, потерявшей мать?

Меня учили держать эмоции под контролем. Но мама

ушла слишком рано, и я не была к этому готова. Таков мир мафии: если ты не умеешь управлять своими чувствами, ты слаб. А слабый — значит пушечное мясо. В этом мире действует правило: либо ты, либо тебя. Вот только стрелять, драться и выживать меня учил не Капо, а жестокие реалии школы-интерната — или, если называть вещи своими именами, пансиона для «ненужных» детей. Именно так я это и воспринимала.

От тяжёлых мыслей меня отвлёк звонок. Взглянув на экран, я увидела имя абонента: «Капо». От этого слова по спине побежали мурашки, руки предательски задрожали, и впервые за три года мне стало по-настоящему страшно. Сделав глубокий вдох и выдох, я всё же ответила.

— Carolina, che cazzo di diavolo, la sicurezza mi chiama e dice che sei scomparsa dalle telecamere di sorveglianza, (Каполина, какого черта, мне звонит охрана, и говорит что ты пропала с камер наблюдения?) — отец почти кричал.

Я дрожала от каждого его слова и торопливо направилась прочь из лесной чащи. Выбравшись на открытую территорию, я заговорила:

— Капо, отец, я... я... я была в лесу, на территории особняка. Простите, я не знала, что там нет камер. Я просто задумалась. Больше такого не повторится...

Я заикалась, с трудом выговаривая слова. Что со мной происходило? Куда исчезла моя привычная бравада, эта внутренняя крепость, которую я так старательно выстраива-

ла? Почему все эмоции вдруг вырвались наружу? Неужели это место так на меня действовало?

— Sarò a Palermo tra cinque ore, ne parleremo (Я буду в Палермо через пять часов, мы поговорим об этом), — коротко бросил он и отключился.

Я выдохнула, убрала телефон и только тогда заметила, что руки всё ещё трясутся. Быстрым шагом я направилась в дом, прямиком в свою комнату. По пути позвала Талию — служанку, приставленную ко мне, — и попросила принести ромашковый чай. Когда я выпила его, дрожь понемногу унялась. Тогда я решила позвонить Адели. Почти час я изливала ей душу, рассказывала про найденное тайное место и пообещала как-нибудь показать его ей.

Закончив разговор, я стала ждать отца. Чтобы не сидеть без дела, вернулась к картине. Оставалось дорисовать Амо. С замиранием сердца я взяла кисть. Руки ещё слегка подрагивали, но, сделав семь глубоких вдохов и выдохов, я сумела собраться и продолжила работать. С каждым мазком я вкладывала в полотно все свои чувства и даже будто пыталась оживить его. Краски ложились завораживающе, и на холсте проступали не просто лица, а настоящие души семьи Висконти — те скрытые стороны, которые можно было разглядеть лишь зная их достаточно хорошо.

Спустя пять дней картина была готова. Я смогла раскрыть свой скрытый талант и показать то, что не под силу другим. Это была не просто картина — она казалась почти живым

снимком. Дон Чезаре Висконти вышел по-настоящему могущественным: спокойным, но опасным, с глубоким, пронизывающим взглядом. Лукреция Висконти получилась словно первая леди Англии — с твёрдым взглядом, доброй улыбкой и одновременно с огнём в глазах. Амо Висконти... он был моим ночным кошмаром, хотя я толком его и не знала. Но его глаза завораживали. На картине я сделала на них особый акцент. Ещё на свадьбе отца я в них что-то заметила — но до сих пор не понимала, что именно. И даже не знала, хочу ли это понимать.

Ещё раз взглянув на полотно, я улыбнулась. Я была довольна собой: мне удалось снова начать рисовать. Теперь оставалось лишь надеяться, что отец позволит мне преподнести эту работу семье Висконти и что Дон и синьора Висконти оценят такой скромный, но необычный подарок.

Пять часов пролетели незаметно. Я сидела в гостиной и ждала возвращения отца. Мачеху я не ждала — мне нужно было лишь получить разрешение Капо, чтобы вручить подарок Дону. Наконец я услышала, как открывается входная дверь, затем раздались шаги в коридоре. Когда они стали приближаться, я поднялась с дивана и устремила взгляд в сторону входа, готовая встретить отца.

Но вместо него в комнату вошла Лаурета.

«Чёрт! Нет! Только не это... Где же отец?..»

— Видимо, ты ждала Вито. Жаль тебя огорчать, но он поехал к Дону — там кое-кого привезли. Любимую некогда

дочь задвинули на последнее место, — она улыбалась, явно стараясь меня задеть.

Лаурета искренне верила, что эти слова причинят мне боль. Думает, что я до сих пор отчаянно жажду отцовского внимания? Ха-ха-ха... Три «ха». Какая наивность! Она меня только раздражала.

— Мне всё равно, — проговорила я, чётко выговаривая каждое слово, и продолжила спокойным тоном: — Я ждала отца лишь для того, чтобы попросить его об одной услуге. Не больше. Если ты думаешь, что твои слова способны меня задеть, ты ошибаешься. Я больше не гонюсь за его вниманием. Если оно тебе так нужно — привлекай его. Но не трать моё время на пустой набор слов.

Я стояла с прямой спиной, смотрела ей прямо в глаза и улыбалась. И я видела: Лаурета меня боялась. Она боялась и моего отца. Её сила была лишь в том, чтобы кусать тех, кто слабее. Но, пытаясь укусить меня, она лишь ломала себе зубы. Она никогда не добьётся от меня бурной реакции.

Мама всегда говорила: «Если кто-то хочет тебя задеть, не поддавайся на провокации. Стой спокойно, улыбайся, не отводи взгляд — и тогда ты станешь опаснее любого противника». Я запомнила эти слова и всегда следовала им. И каждый раз, когда Лаурета пыталась действовать по-своему, она только сильнее закипала. Возможно, однажды мне даже удастся довести её до крика.

— Твоё дозволение мне не нужно. Я — жена Капо, я здесь

хозяйка, и твой отец сам меня выбрал. Я во многом лучше остальных. Но дам тебе совет: не делай из меня врага. Борься со мной тебе не по силам — у тебя слишком мало знаний, — с этими словами она развернулась и ушла, а я осталась ждать отца.

Минуты тянулись, превращаясь в часы, но его всё не было. В гостиную вошла Роберта. Она удивлённо приподняла брови и посмотрела на меня с печальной заботой.

— Ох, милая asterisco (звёздочка), почему ты всё ещё здесь в такой час? Я шла к себе и заметила свет. Думала, кто-то из персонала забыл его выключить, а тут ты... Скажи, что тебя тревожит?

Роберта присела рядом, накрыла мои руки своими и заглянула мне в глаза, терпеливо ожидая, что я скажу. А я не могла выдавить ни слова. Сама не понимала, зачем столько часов сижу здесь и жду Капо. Покачав головой, я встала и направилась к себе в комнату. Если отцу действительно всё равно, я не стану больше тратить на это время. Поговорю с ним утром.

И тут до меня дошла горькая правда: Лаурета была права. Я никогда не верну того внимания, которое у меня было когда-то. Три года назад я потеряла не только мать — я потеряла и отца. Знаете, что самое болезненное для ребёнка? Быть сиротой при живом родителе.

Три года назад у меня было всё. А теперь для отца я лишь

продолжение его рода — гарантия его силы, залог удачного брака, который он для меня устроит. Горькие, но правдивые слова.

Но я сделаю всё, чтобы этого не случилось. Я выдержу. Я справлюсь.

С этой мыслью, с этой тяжёлой правдой я легла спать.

Каролина

Мой день начался с первыми лучами солнца. Пусть я и легла спать поздно, но это не помешало мне проснуться рано. Только вот состояние моё было хуже, чем когда-либо. Почти таким же чувством накрыло меня три года назад, когда я узнала о смерти мамы. Мне тогда не сказали, почему она умерла, — и до сих пор не говорят.

Так по кому же тоскует моя душа? Неужели всё дело в том, что только вчера я окончательно осознала: я не нужна отцу. Для него я — лишь гарантия достижения его целей. От этой мысли становилось невыносимо больно. Но, как бы сильно ни ранили меня слова и поступки других, я буду вставать снова и снова. И с каждым разом стану лишь сильнее.

Собравшись с духом, я не стала откладывать разговор с Капо. Я направилась прямо к его кабинету. Мне нужно было получить разрешение — и я его получу. Мне требовалось лишь официальное дозволение Капо, а не отцовское одобрение. Оно мне больше не нужно, как и его внимание. Если я

для него всего лишь пешка, то сама сделаю себя королевой — чего бы это ни стоило.

Дойдя до кабинета отца, я уже собиралась постучать, но вдруг услышала голоса изнутри. Замерла, задержав дыхание.

— Вито, отправь её обратно. Зачем ты её вернул? Ты сам себя огорчаешь. Думаешь, я не вижу, что ты не можешь нормально смотреть на свою дочь? Она уже не ребёнок и скоро всё поймёт. Отправь её ради нас...

Я сглотнула. Неужели Лаурета говорит между строк о маме? Что же тогда случилось? Я продолжала стоять, не шевелясь, и слушать. Даже перестала дышать.

— Лаурета! — прорычал отец, а затем, резко выдохнув, уже спокойнее произнёс: — Она моя дочь, моя кровь. Она — первая наследница, гарантия выгодного союза. Неважно, что я на неё не смотрю. Пусть хоть что понимает. Я уважал её мать, но никогда не любил. Но она никогда не узнает, что её мать умерла, спасая мою жизнь. Лаурета... ты не скажешь ей. Иначе я заберу нашего ребёнка и отправлю тебя подальше. Я смогу доказать, что ты... Лучше молчи об этом.

Я застыла, словно окаменев. Сердце будто разбилось, а душа исчезла. Эти слова произносил мой отец — тот самый мужчина, который в детстве обещал любить меня и подарить весь мир. Тот, кто, пусть и наказывал, но носил на руках и баловал. А теперь он спокойно говорил, что я — лишь гарантия для выгодного союза, просто часть сделки между сторонами.

Думать об этом и услышать своими ушами — совсем разные вещи. Я никак не могла переварить услышанное. И ещё одна мысль врезалась в сознание: Лаурета беременна. Конечно, она молода, но я надеялась, что это случится не так скоро. Впрочем, вряд ли они собирались ждать. Лаурета хотела закрепиться на этой территории как можно скорее.

Медленно, стараясь не издавать ни звука, я попятилась назад, к лестнице. Я не хотела слушать дальше. Мне нужно было успокоиться, привести мысли в порядок. Сейчас, с ненавистью в глазах и с тысячей вопросов о смерти матери, я не была готова столкнуться с очередной ложью, зная уже хотя бы часть правды.

Лежа на кровати и уставившись в потолок, я снова и снова прокручивала в голове события трёхлетней давности. За что отца хотели убить? Почему мама, оставив меня одну, бросилась спасать его? Опять одни вопросы — и, как всегда, ни одного ответа. Кто мог бы мне их дать? Адели? Матео? Дедушка Висконте? Дядя Марио?

Адели вряд ли что-то знает: её отец никогда не станет делиться с ней такими тайнами. Остальные же просто постараются уберечь моё и без того разбитое сердце. Как же невыносимо больно...

Два часа я делала дыхательные упражнения, но они помогли лишь наполовину. Я не хотела больше сидеть взаперти, словно в клетке. Нужно было поговорить с Капо — и заодно спросить про то место в лесу.

Выйдя из комнаты, я снова направилась к его кабинету. Постучав, вошла. Отец, как всегда, сидел за столом: перебирал бумаги, время от времени поглядывая на экран ноутбука.

— Капо, я хотела поговорить с тобой, — сказала я, стараясь говорить ровно, без дрожи в голосе.

— Я не разрешал входить. Но раз зашла — говори. У меня нет времени на пустые разговоры, — он даже не взглянул на меня, не шевельнул бровью.

— Я нарисовала портрет семьи Висконти и хочу твоего разрешения подарить картину Дону. Хочу вручить её на завтрашнем мероприятии.

Несколько долгих минут я ждала ответа. Наконец он едва заметно кивнул и махнул рукой в сторону двери — мол, можешь идти. Я даже не удивилась.

— Это ещё не всё, — проговорила я, заставляя себя не отводить взгляд. — На задней стороне особняка, там, где начинается лес, я нашла тропинку, ведущую в чащу. Там есть уединённое поле и пруд — место, скрытое от чужих глаз. Я хочу построить там небольшой домик и жить в нём.

Я задержала дыхание. Сердце, казалось, остановилось. Это согласие было для меня важнее, чем разрешение на картину. Но в ответ я получила лишь грозный взгляд.

— Нет! Твой дом — здесь. Ты живёшь в своей комнате. Хочешь студию? Разбери хлам своей матери и сделай студию там! А теперь убирайся с глаз моих, мне некогда.

Я стояла и смотрела на отца, впитывая каждое слово. В тот момент мне показалось, что он выстрелил мне прямо в сердце, навсегда убивая во мне последнюю надежду.

Выйдя в сад, я дошла до «мамино дерева» и опустилась на траву, уставившись в небо.

Почему? За что? Что я сделала не так?

Боль разрывала грудь, раздирая и без того израненное сердце. Душа, казалось, умирала с каждым вздохом. Сидя у дерева, я думала о будущем. У меня оставался всего год до восемнадцатилетия. Один год — и прощай, Италия. Прощай, Палермо. Прощай, мафия. Я выдержу.

Просидев так ещё два часа, я наконец решила, что пора отвлечься. Нужно было просто побыть с кем-то, кто меня понимает. Я позвонила Адэлине.

Мы договорились встретиться в парке Вилла Джулия. Когда мы шли по аллеям, выстроенным по диагоналям и концентрическим кругам, тяжесть на душе понемногу начала спадать. В центре парка раскинулась круглая площадка с четырьмя экседрами в помпейском стиле. Рядом — фонтан с додекаэдром и солнечными часами. А в конце центральной аллеи возвышалась мраморная статуя «Гений Палермо» работы Игнацио Марабитти — сицилийского скульптора эпохи позднего барокко.

Здесь было по-настоящему красиво. Всё моё плохое настроение постепенно уходило. А ещё меня успокаивало то, что рядом была «веснушка» — Адели. Она была моей един-

ственной поддержкой, моей отдушиной в этом жестоком мире.

Я рассказала ей всё: и о своих мыслях, и о том, что случайно подслушала. Она, как и я, была в шоке. Оказалось, Адели тоже ничего не знала о том, что моя мать погибла, спасая Капо. Разумеется, судья Карло скрыл это и от неё — чтобы она случайно не проговорилась мне.

До позднего вечера мы бродили по парку, ели мороженое, дурачились и болтали обо всём на свете. Но время летело быстро, и пора было возвращаться домой. Завтра предстояло важное мероприятие. Мне ещё нужно было упаковать подарок для Дона.

И ещё одна мысль не давала мне покоя: завтра я снова увижу Амо. На прошлой встрече он пообещал официально представиться — так, чтобы все вокруг поняли: я принадлежу только ему. От этих воспоминаний в крови снова вспыхивал огонь. Так и хотелось стереть с его лица эту самодовольную ухмылку и спустить его с небес на землю.

Он не получит меня. Я всё равно сбегу.

Амо

Я мчусь на всех парах, впереди — Марко, а сзади нас пытаются нагнать четыре машины. Чёрт, очередное задание... Поначалу всё шло гладко. Отец поручил забрать важный груз на одной из точек поставки. Мы проверили периметр,

забрали груз и тронулись в путь.

Ночь, трасса пустая — и мы с Марко решили немного погонять. Так увлеклись этой дурацкой гонкой, что не заметили угрозы, пока мой взгляд случайно не скользнул по зеркалу заднего вида. Там, на дороге, ведущей в сторону леса, стояли четыре тачки. А теперь они неслись за нами, стремительно сокращая дистанцию. В груди всё сжалось — будто кто-то ледяной рукой стиснул сердце. Я тут же сообщил Марко по радиации. Вся эта бравада вмиг слетела — мы забыли про нашу гонку и теперь думали только о том, как оторваться. Адреналин бурлил в крови, каждый поворот казался испытанием на прочность. Если нас поймают — нам конец. Дон порвёт нас на части. Пусть с прошлым заданием мы справились быстро и легко, тут мы знатно накосячили. Нельзя везти груз к нашим — это будет катастрофой. Минут тридцать мы кружили по дорогам, пытаясь запутать преследователей. Фары их машин то вспыхивали в зеркале, то исчезали в темноте, чтобы через пару секунд снова вынырнуть, как хищные глаза, не желающие выпускать добычу. Каждый раз, когда их свет снова настигал меня, по спине пробежал ледяной ток. И тут в голове мелькнула мысль: можно срезать через лес. Дорога там — настоящий кошмар: ухабы, корни, ветки хлещут по лицу. Но это был наш единственный шанс. С грузом наперевес мы сможем пробраться через лес и добраться до старого укрытия — там можно временно переждать, пока эти парни не отстанут. А оттуда уже позвонить одному из наших, что-

бы забрали и нас, и груз. Решение было принято мгновенно. Я резко вывернул руль, машина нырнула с трассы на едва заметную лесную дорогу. Двигатель взвыл, колёса скользили по сырой земле, но мы продолжали пробиваться вперёд. Ветки царапали кузов, будто лес сам пытался нас остановить, но я только крепче сжимал руль, чувствуя, как пальцы белеют от напряжения.

Спустя час петляний по лесу нам наконец удалось скрыться из виду. Тишина, которая накрыла нас после рёва мотора и визга шин, казалась почти оглушающей. Мы бросили машины среди деревьев, схватили груз и, тяжело дыша, добежали до укрытия. Засели там, прижавшись к стенам, прислушиваясь к каждому шороху. Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали от напряжения, но это была дрожь не страха, а выплеснутого адреналина. Где-то совсем рядом хрустнула ветка. Я замер, вглядываясь в темноту, и на секунду мне показалось, что тени шевелятся, вытягиваются, подбираются ближе. Марко тихо выругался сквозь зубы, его пальцы крепче сжали оружие. Мы оба знали: если преследователи всё же выйдут на наш след, у нас будет лишь пара секунд, чтобы среагировать.

Теперь оставалось только ждать. Ждать, пока преследователи сдадутся и уедут. А потом сделать тот самый звонок, который вытащит нас из этой передрыги. Но пока каждая се-

кунда тянулась, как вечность, а тишина звенела опаснее любого выстрела.

Просидев в укрытии почти до рассвета, мы наконец поняли: они так и не смогли нас найти. Мы ускользнули. Это было чертовски близко к провалу — ещё чуть-чуть, и всё полетело бы к чертям. Вернись мы с пустыми руками — отец выпустил бы в нас всю обойму, даже не моргнув. Меня до сих пор трясло — будто по венам вместо крови гулял чистый адреналин. Но, несмотря на это, я сидел и улыбался, как Чеширский кот. Напряжение, страх, бешеная гонка — всё это схлынуло, оставив после себя странное, почти безумное облегчение.

Марко первым не выдержал и расхохотался. Он достал телефон и набрал Данте — главу службы безопасности, начальника охраны. Тот был из тех, кто не церемонится: помимо отца, именно от него нам доставалось по полной, когда мы так крупно налажали. А сейчас мы ему ещё и работы подкинули.

Спустя полтора часа Данте примчался, мрачный, как грозовая туча. Он не стал тратить время на приветствия — сразу начал выговаривать нам всё, что думает о нашем безрассудстве и «гениальных» идеях. Его голос гремел, слова били точно в цель, и мы только переглядывались, понимая, что

заслужили каждую секунду этой разности.

— Вы хоть понимаете, сколько людей пришлось поднимать по тревоге из-за вашей детской гонки?! — рычал он, пока вёл нас к машине, чтобы везти к Дону. — Один неверный шаг — и груз у врага, а следом и вся сеть летит в пропасть!

Мы молча кивали, не пытаясь оправдываться. Тут любые слова были бы пустой отговоркой. Данте знал это, мы знали это.

По дороге к Дону тишина в салоне была тяжёлой, густой, будто пропитанной нашей виной. Но где-то под этой тяжестью всё ещё тлел тот самый огонёк облегчения: мы справились. Груз был в безопасности, мы — целы. И пусть впереди нас ждал ещё один, куда более суровый разговор, сейчас этого было достаточно.

Когда машина остановилась у особняка, Данте обернулся к нам, и в его взгляде не осталось ни капли злости — только холодная усталость.

— Теперь идите и молитесь, чтобы Дон был в хорошем настроении, — процедил он, и мы, не сговариваясь, выбрались из машины, готовясь встретить то, что нас ждало.

Почему именно вчера мы так накосячили? Я совершенно забыл про годовщину родителей... Эта мысль колола где-то под рёбрами, пока мы шли на словесный разнос к отцу. По идее, мы должны были трястись от страха, но вместо этого то

и дело переглядывались с Марко и едва сдерживали рвущийся наружу смех. Да, накосячили. Да, превратили обычное задание в безумную гонку с дозой адреналина, от которой до сих пор слегка потрясывало. Но ведь выполнили! Груз на месте, никто не пострадал. Пусть Данте и поднял всю охрану по тревоге — для нас с Марко это было как очередная проверка на прочность. Безбашенные? Да.

И вот мы дошли до кабинета Дона. Едва переступили порог — и отец пригвоздил нас взглядом. Таким, что по коже пробежал ледяной холодок, острый, как лезвие. Я на секунду даже подумал: не будь я его сыном, он бы выстрелил, не моргнув. Дон начал сыпать ругательствами на итальянском — резкими, хлесткими, будто каждый слог был ударом. И тут до меня окончательно дошло: ему известна каждая деталь. Сын Дона мафии устроил гонку с другом прямо во время задания... Смех и грех, да только смеяться сейчас совсем не хотелось.

— Да вы, два щенка, хоть понимаете, что устроили?! Как дети себя повели! Амо, я говорил: выполнить задание тихо, без лишнего шума, а не устраивать гонки на трассе! Да чёрт с ним, если бы вы просто решили погонять. Но вам приспичило устроить это с грузом на борту! Твоя мать чуть с ума не сошла, когда услышала эту новость от Данте. Чуть меня в разнос не унесла — тут больше боялись её, чем меня! Вы хоть понимаете, какой хаос устроили? Да ещё и в такой день! Твоя мать должна готовиться к празднику, а вместо этого ду-

мает, как замять эту историю, чтобы ни одна лишняя деталь не просочилась не в то русло! Два часа мы стояли и выслушивали нотации. Каждое слово било точно в цель, и с каждым новым упрёком стыд тяжелел, наливался свинцом. Я ловил взгляд Марко — в его глазах всё ещё пряталась искра того самого безумия, что гнала нас по трассе, но даже он теперь стоял смирно, опустив плечи. Когда Дон наконец отпустил нас, мы вышли из кабинета, чувствуя себя выжатыми до последней капли. Впереди ждало мероприятие, к которому нужно было готовиться. Но прежде чем уехать, я свернул в другое крыло особняка. Я шёл к маме.

Комната была залита мягким светом, на столе лежали украшения, эскизы, ленты — всё для сегодняшнего вечера. Она подняла глаза, когда я вошёл, и на мгновение в её взгляде мелькнуло то самое облегчение, которое бывает, когда понимаешь: твой ребёнок жив и цел. Но следом пришла усталость — глубокая, тяжёлая, как будто она держала на плечах весь этот дом, все эти тайны и тревоги.

— Амо, — тихо сказала она, откладывая украшения. — Я думала, ты будешь готовиться к вечеру.

Я остановился у двери, не решаясь подойти ближе.

— Прости, — сказал я. — Прости, что заставил тебя волноваться. Я... я забыл про годовщину. И из-за этой дурацкой гонки...

Мама медленно встала, подошла ко мне и, не говоря ни

слова, обняла. Её руки были тёплыми, а запах духов — знакомым с детства, тем самым, который всегда возвращал меня к ощущению дома, даже если вокруг всё рушилось.

— Ты жив, — прошептала она, прижимая меня к себе чуть крепче. — Это главное. Остальное мы как-нибудь уладим. Но больше так не делай. Не заставляй меня снова стоять и слушать, как Данте рассказывает, где тебя ищут и что могло случиться.

Я кивнул, уткнувшись ей в плечо, и впервые за весь этот безумный день почувствовал, как напряжение понемногу отпускает.

— Я постараюсь, — пробормотал я.

Она отстранилась, провела ладонью по моим волосам, как делала, когда я был маленьким, и улыбнулась — устало, но искренне.

— Иди готовься. Сегодня важный день. И не вздумай появиться в мятом костюме — я тебя знаю.

Я слабо усмехнулся, чувствуя, как к горлу подступает ком.

— Не появлюсь, — пообещал я.

Выходя из комнаты, я на секунду задержался у двери. Сегодняшний вечер должен пройти идеально. Не только ради годовщины родителей, но и ради мамы — чтобы она хоть на один вечер перестала волноваться, перестала прятать тревогу за улыбкой.

А про вчерашнюю гонку... про это я постараюсь больше

не вспоминать. По крайней мере, до тех пор, пока Марко снова не предложит «просто немного погонять».

Доехав до своей квартиры, я наконец смог спокойно выдохнуть — будто сбросил с плеч целую бурю. Эта ночь и правда вышла безумной: мы с Марко знатно так решили «развлечься» на задании. Нам вдруг стало невыносимо скучно, и мы сами раздули из искры пламя — теперь отголоски этой выходки ещё долго будут звенеть в ушах. Своим поведением я чуть не довёл мать до края. Да, она наш адвокат — настоящая акула среди адвокатов, самая бесстрашная женщина в мире мафии. Но я её сын, и мне до сих пор не дано понять, что она чувствовала в тот момент, когда я скрывался от врагов, петляя по тёмным улицам, а она, стараясь сохранить ледяное спокойствие для всех вокруг, втайне сходила с ума от тревоги, разрываясь между подготовкой к важному событию и мыслями обо мне.

Приняв душ, я взглянул на часы и понял: ещё есть время поспать. На праздник к родителям нельзя идти с потухшим взглядом и тяжёлыми веками — сегодня и так будет достаточно испытаний. Тем более сегодня я увижу *la sua stella* (свою звезду).

Каролина... Девушка с маской на лице, но с огоньками в глазах, которые пробиваются сквозь любую тьму. Всю эту неделю я скучал по этим глазам — по тому, как они уме-

ют одновременно обжигать и согревать. И теперь ожидание встречи звенело внутри, смешиваясь с усталостью, и делало каждую минуту до неё невыносимо долгой

Каролина

Сегодня тот день — день, которого я так ждала и так боялась. Он нависал надо мной, словно тяжёлая грозовая туча, обещающая и нечто великое, и неизбежную бурю. Важное мероприятие в главном доме Дона... Одно это заставляло сердце сжиматься в холодном предчувствии. Я лежала в постели, когда первые лучи солнца робко скользнули по комнате, но не чувствовала ни тепла, ни радости от нового дня. Моё тело будто окаменело в этом бесконечном режиме ожидания, а нервы натянулись до предела — тонкие, звенящие струны, готовые лопнуть от малейшего прикосновения. Вставать не хотелось. Хотелось просто закрыть глаза и сделать вид, что этого дня не существует. Но нельзя. Никак нельзя.

Пусть на часах едва пробило утро, а город ещё только просыпался, мне уже нужно было бежать, искать, выбирать. Найти платье, которое не огорчит Капо, не бросит тень на мой облик перед Доном. В нашем мире всё имеет значение, каждый оттенок — это слово, сказанное без слов. Вряд ли кто-то придёт в чёрном: этот цвет здесь носят постоянно только мужчины — потому что на нём меньше видно крови. Для

девушек чёрный — цвет траура. А для меня... он давно стал моим единственным цветом. Раньше я любила и другие оттенки — яркие, живые, полные света. Но после смерти мамы все краски поблекли, растворились в серой дымке, и я перестала их замечать. Теперь видела только чёрный. Чёрный — как моя душа, чёрный — как моё застывшее сердце. Казалось, лишь этот цвет способен отразить ту пустоту, что поселилась внутри. И в этом была своя горькая правда, своя болезненная честность.

Пролежав в постели ещё минут десять, я сдалась. Дрожащими пальцами набрала сообщение Адели, позвав её пройтись по магазинам, поискать что-то необычное для сегодняшнего вечера. Что-то, что сможет обмануть всех — и прежде всего саму себя.

Когда я, наконец, собралась, то подошла к отцу и тихо сообщила, что собираюсь по магазинам с Адели. В ответ — лишь короткий кивок и сдержанная просьба: «Выбери что-нибудь не чёрное». Его слова прозвучали не как забота, а как холодный приказ, от которого внутри всё сжалось ещё сильнее. Мачеха, стоявшая неподалёку, скользнула по мне насмешливым взглядом, но промолчала. Её молчание было громче любых слов.

И тут в груди шевельнулось новое, острое чувство — не просто тревога, а жгучее любопытство, смешанное с горе-

чью. Когда же они наконец скажут мне правду? Когда объявят, что в нашей семье скоро будет пополнение? Какой срок у Лауреты? Этот невысказанный вопрос висел в воздухе, отравляя и без того тяжёлый день, добавляя ему ещё больше напряжения и горечи.

Некогда было унывать — да и какой смысл грустить, когда впереди вечер, который либо станет легендой, либо поводом для долгих оправданий перед Капо! Я, как всегда, твёрдо решила: мой коронный цвет — чёрный. Пусть все вокруг сияют, а я буду той самой загадочной тенью, от которой у Капо дёргается глаз.

Сказав Вико, что мы уезжаем, мы заехали за Адели — и вот тут началось настоящее приключение. Стоило нам подъехать к торговому центру, как я застыла с открытым ртом. Огромное здание сверкало, будто решило перекричать само солнце: вывеска мигала так энергично, что, казалось, вот-вот начнёт напевать какой-нибудь хит. Миллионы магазинов, украшений, одежды, обуви и всяких штучек для девушек... Да тут можно было заблудиться и найти себя заново — раза три.

У меня захватывало дух, а глаза разбегались в разные стороны, словно испуганные котята. Вообще-то я не особо любила шопинг, но сегодня со мной была Адели — а это зна-

чило, что просто так меня отсюда не выпустят.

— Адели, это просто шикарное место! Когда его открыли? Три года назад его точно не было... Или я просто жила в какой-то параллельной реальности и ничего не замечала? — я посмотрела на Адели с таким видом, будто увидела не торговый центр, а портал в другой мир.

— Ох, Карли, он был, просто раньше прятался от всех, — с весёлой ухмылкой ответила Адели, которую я в шутку звала Веснушкой за россыпь золотистых пятнышек на носу. — Потом его отремонтировали, раскрасили, добавили блеска — и теперь это официально главный храм всех девушек. Ну и заодно место, где мужчины могут посидеть с таким лицом, будто их сюда привели под дулом пистолета.

Она схватила меня за руку и потащила вперёд с энергией урагана. Первым пунктом программы стал магазин косметики.

— Тебе хоть капельку туши, ну, пожалуйста,! — взмолилась Адели, глядя на меня с надеждой, достойной святой мученицы.

— Не-а, — я покачала головой. — Моя красота — это семейное наследие. Мама в свои тридцать два выглядела на двадцать, и никто не верил, что мы не сёстры. Это гены, Адели. Их не надо маскировать — ими надо гордиться!

Адели закатила глаза так выразительно, что, кажется, успела увидеть затылок.

— Ладно, ладно, ты у нас природное чудо. Но хотя бы

пробник возьми! На всякий случай. Вдруг захочешь стать чудом с лёгким акцентом?

Я рассмеялась и сдалась на полпути: взяла крошечный пробник, чтобы она наконец перестала смотреть на меня этим своим «ну, пожалуйста, всего капельку» взглядом.

Дальше мы отправились в магазин белья — и тут моё лицо, кажется, испытало культурный шок. Адели носилась между полками, хватая всё, что блестело, шуршало или выглядело хоть чуточку экстравагантно.

— Это идеально! — восклицала она, прижимая к груди очередной комплект. — И это! И вот это тоже!

— Ты собираешься открыть собственный бутик или просто хочешь, чтобы гардероб кричал громче тебя? — хохотнула я.

— И то, и другое! — не моргнув глазом ответила она.

Я же отправилась на поиски чего-то особенного: удобного, шёлкового, красивого — и с той самой ноткой дерзости, которая говорит: «Я спокойна, но не стоит меня злить».

Пять часов мы бродили по магазинам, и к концу я уже чувствовала себя как героиня квеста: задание «выжить в шопинге» выполнено, инвентарь полон, уровень усталости — максимальный, но зато какой трофей!

Наконец, купив всё необходимое для вечера, мы отправились приводить себя в порядок. В торговом центре был салон — и там я буквально растеклась по кушетке. Массаж вытянул из меня всю усталость, маска для лица, рук и ног

работала как заклинание омоложения, а масло, которым меня обмазали, пахло так волшебным, что я всерьёз задумалась, нельзя ли носить его вместо духов.

Летний тёплый аромат, насыщенный и глубокий: терпкий виноград, сладкий персик и лёгкие древесные нотки... Я не выдержала и купила флакон. Потому что поняла: это мой запах. Мой личный аромат победы над шопингом, Капо и всеми жизненными невзгодами.

Выходя из спа, я чувствовала себя обновлённой — будто не просто отдохнула, а перезагрузилась до заводских настроек, но с улучшенной версией характера.

— Ну что, готова покорять вечер? — подмигнула Адели.

— Готова, — улыбнулась я. — Пусть Капо попробует сказать хоть слово против моего чёрного платья. Сегодня я не просто иду на мероприятие — я устраиваю ему тихий бунт на каблуках!

Приехав домой, я направилась к себе в комнату, а по дому всё ещё носились слуги, будто пытаюсь унять бурю, поднятую Лауретой. Она уже всех замучила: то платье ей не нравилось, то причёска была «не той», то оттенок помады «резал глаз». Я закатила глаза, глядя на этот жалкий театр одного актёра. Избалованная принцесса, привыкшая, что мир крутится вокруг неё. Хмыкнув, я поднялась по лестнице — ступени чуть поскрипывали под моими шагами, и этот тихий звук вдруг показался мне странно одиноким среди всей этой

суеты. В своей комнате я достала из чехла платье, которое купила сегодня. Оно было восхитительным — чёрное, кружевное, слегка пышное, словно сошедшее со страниц сказки про принцессу Монако. Все места, не предназначенные чужим глазам, были деликатно закрыты. Я собрала волосы в аккуратный пучок, нанесла немного нового масла для тела — его тонкий аромат напомнил мне о маме, о тех днях, когда она водила меня по бутикам и шептала: «Стиль — это не мода, это характер». На мгновение сердце сжалось от тоски, но я прогнала эту грусть: сегодня мне нужно быть сильной.

Я надела платье и спустилась вниз, чувствуя, как ткань мягко ложится на плечи, словно доспехи. Внизу я ждала Капо и мачеху, стоя с гордой осанкой и прямым взглядом. Я чувствовала себя королевой, занявшей своё законное место — но в груди всё равно трепетало ожидание: что скажет отец? Примет ли он мой выбор или снова увидит в нём бунт?

Я услышала шаги и повернулась к лестнице. Лаурета спускалась под руку с отцом, будто настоящая хозяйка дома. Я хотела закатить глаза, но замерла, поймав взгляд Капо. Он был странным — смесь удивления, сожаления и хмурой тяжести. «Он что, правда думал, что я надену другой цвет?» — пронеслось у меня в голове, и от этой мысли на губах мелькнула горькая усмешка.

Подойдя ко мне, Капо не выдержал и заговорил, и в его голосе звенел холод, от которого по спине пробежал непри-

ятный озноб:

— И снова чёрный! Мы едем в дом Дона, ты хочешь опозорить меня?! Ты единственная молодая незамужняя девушка, которая появляется в чёрном. Ты распугаешь всех женихов своим видом!

Он посмотрел на меня так холодно, что слова будто застыли в воздухе. Не сказав больше ни слова, он развернулся и направился в сторону кабинета, оставив нас с Лауретой стоять друг против друга, словно на незримой линии фронта.

Лаурета не упустила шанса нанести удар:

— Как всегда пошла против приказа своего отца. Ты опозоришь его, ты позоришь нас. Неужели тебе нужен модный стилист, чтобы он одевал тебя? Я, конечно, буду не особо рада, но раз такое дело — как жена Капо, я могу помочь что-то подобрать для тебя.

Я стояла и смотрела на неё, чувствуя, как внутри поднимается волна раздражения, смешанного с печалью. Сколько раз я пыталась найти в ней хоть каплю тепла, хоть намёк на сестринскую связь — и каждый раз натыкалась на эту ледяную стену соперничества.

— Да нет, не нужно. У меня отличный вкус. Я одеваюсь так, как мне нравится, так, как меня учили, а не как... дешёвка. Да, ты в дорогих вещах от кутюр, но ты лишь жалкая оболочка, Лаурета. Мы не станем друзьями. Признай: мы терпим друг друга ради Капо. От меня ты не избавишься — я его кровь и плоть. Ты же... ходячая матка для рождения

наследников, не больше. Да, ты, как и я, — дочь Капо, из другой страны и с другой территории. Но ты слишком избалованна. У нас с тобой всего лишь восемь лет разницы, но извилин больше у меня.

Она побледнела, но тут же натянула на лицо маску высокомерия, будто это могло скрыть её обиду.

— Когда-то ты сказала не искать в тебе врага, — продолжила я, понизив голос, чтобы слова звучали не как крик, а как предупреждение. — Но я могу сказать тебе вот что: в этом доме не только отец — хищник. Задумайся, что я могу, если меня вывести из себя. Я этот дом знаю как свои пять пальцев, а ты тут всего лишь почти два месяца...

Я посмотрела на неё с вызовом и насмешливой полуулыбкой — но в глубине души мне было горько от того, что всё дошло до этого. Развернувшись, я пошла к машине, чувствуя на себе её взгляд, тяжёлый и колючий.

Вико, мой охранник, галантно открыл мне дверь. Прежде чем помочь сесть, он тихо, но твёрдо произнёс:

— Мисс Бернард, вы прекрасны. Мы долго ждали вашего возвращения. У вас есть друзья. Если нужна помощь — только скажите.

Его слова упали на душу тёплым лучом света, и на мгновение мне стало легче. Я поблагодарила его, чувствуя, как к горлу подступает комок. Как я и говорила, мою мать тут любили и уважали. Она занималась благотворительностью: помогала бедным, бездомным, детям из детдомов, занималась

обустройством города, реставрацией зданий и улиц. Множество заброшенных домов она восстановила, построив их заново. У неё был свой фонд, который работал без остановок. Я вычитала в газетах, что в этом фонде состояла и мать Амо — Лукреция Висконти.

Сев в машину, я ждала Капо и его жену, чтобы отправиться на вечер. В салоне было тихо, и эта тишина давила, наполняя воздух предвкушением чего-то неизбежного. Впереди ждал дом Дона, сотни взглядов, шёпот за спиной и ещё один раунд в этой бесконечной игре, где каждое слово и каждый жест имели значение. Я сжала пальцы в кулаки, пряча дрожь, и посмотрела в окно. Сегодня я не собиралась проигрывать.

Каролина

Приехав к особняку Дона, мы медленно въехали через кованые ворота — они распахнулись с протяжным, чуть скрипучим гулом, будто дом неохотно пропускал нас внутрь. Машина плавно подкатила к парадному входу, и я, едва выглянув в окно, затаила дыхание. Особняк и правда был не похож на другие резиденции Капо — он возвышался, словно древний замок, мрачный и величественный, будто выросший из самой земли, пропитанной тайнами. Его силуэт чётко вырисовывался на фоне бледного неба, и от одного этого вида у

меня замирало сердце. Он был не просто большим — он подавлял своим масштабом, заставлял почувствовать, насколько ты здесь чужой, маленький и уязвимый.

Здание было построено в стиле позднего барокко, но в этой экспрессии не было лёгкости — только напряжённая, почти театральная пышность. Завитки лепнины сплетались в причудливые узоры, колонны тянулись вверх, словно пытаясь дотянуться до туч, а высокие окна походили на внимательные, холодные глаза, наблюдающие за каждым движением. Казалось, сам особняк кричит: здесь живут не обычные люди, здесь правят законы, о которых простым смертным лучше не знать.

У меня захватывало дух от этого вида — но не от восторга, а от смеси благоговения и страха. В голове промелькнула мысль: тут, наверное, и правда не меньше сотни комнат, и в каждой — своя тайна, свой секрет, который лучше не раскрывать. По сравнению с этим исполином особняк Капо, где я жила, казался просто уютным домиком, спрятанным от бурь. Выйдя из машины, я медленно поднялась по широкой мраморной лестнице, не в силах оторвать взгляд от фасада. Холодный камень ступеней слегка охлаждал подошвы туфель, и этот холод будто проникал глубже, напоминая: ты сейчас переступаешь невидимую черту. Каждая деталь — от резных балясин до тяжёлых бронзовых светильников — кричала о

богатстве и власти, но в этом крике слышалась и угроза.

Отец не стал ждать, пока я налюбуюсь или, вернее, пока соберусь с духом. Он шёл под руку с мачехой, прямой, собранный, будто вовсе не замечал ни величия дома, ни взглядов, которые скользили по нам, как острые лезвия. Я шагала позади них, стараясь держать голову высоко — не из гордости, а чтобы скрыть, как сильно дрожат внутри все нервы.

Позади, на небольшом расстоянии, бесшумно двигалась охрана, а рядом с ними шёл Вико, бережно неся мою картину. В этом жесте было что-то странно трогательное: среди всей этой холодной роскоши и показного величия он словно защищал что-то хрупкое и настоящее.

Я смотрела только вперёд, не позволяя себе бросить взгляд по сторонам. Но краем глаза всё равно замечала людей в саду: они стояли группами, переговаривались, смеялись, делали вид, что заняты беседой, но каждый второй украдкой поглядывал в нашу сторону. Тут собралось больше пятисот человек, и половина из них была мне незнакома. В этих взглядах читалось любопытство, насмешка, а где-то и откровенная враждебность. Казалось, каждый из них уже вынес свой приговор, ещё до того, как я успела переступить порог.

И с каждым шагом к массивным дверям мне становилось всё яснее: я вхожу в этот дом не как гостя. Я вхожу как часть

игры, правил которой до конца не знаю — и от этого по спине бежали мурашки.

айдя внутрь особняка, я не смогла удержать взгляд на одной точке — он снова и снова скользил по холлу, жадно впитывая каждую деталь. Внутри всё было так величественно, что, пожалуй, даже английская королева, окажись она здесь, на мгновение замерла бы от изумления. Вот он — главный дом Дона мафии: внутри он завораживал не меньше, чем снаружи, а может, и сильнее, потому что теперь тайны прятались не за стенами, а в самих вещах, в их молчании.

В каждой детали таилась своя история: в тяжёлых бархатных шторах, приглушавших уличный свет до мягкого полумрака; в паркете, отполированном до зеркального блеска, в котором отражались дрожащие огоньки светильников; в картинах в массивных золочёных рамах, чьи сюжеты казались слишком мрачными для обычного дома; в изящных статуэтках, будто застывших в вечном ожидании; в коврах с густым ворсом, глушивших шаги, словно дом не хотел выдавать, кто и куда идёт. Даже шкура убитого льва у подножия лестницы не удивляла — она была здесь не как трофей, а как напоминание: сила здесь не скрывается, она выставлена напоказ, чтобы каждый помнил своё место. И роскошь эта не манила, не звала прикоснуться — она предупреждала: ты здесь гость, и твоё право находиться тут ещё нужно заслужить. Пройдя

по холлу прямо, мы миновали арку и оказались в банкетном зале, где и должно было развернуться главное действие вечера. В дальнем конце зала возвышалась небольшая сцена: на ней стояла трибуна с микрофоном — для речей, для приказов, для оглашения решений, которые изменяют судьбы. Чуть в стороне, прямо на сцене, располагался круглый стол с восемью стульями — там, без сомнения, займёт место Дон со своей семьёй и самыми приближёнными. Их круг был очерчен не только стульями, но и невидимой, но ощутимой границей, которую никто не смел пересечь без позволения.

Главный зал был просторен, и его центр оставался пустым — намеренно, я это чувствовала. Это пространство держали свободным не для уюта, а для зрелища: здесь будут танцы, представления, а может, и нечто куда более важное, что принято показывать всем сразу, чтобы никто не усомнился в силе и власти. По периметру зала стояли столы, и каждый, кто пришёл на этот вечер, знал своё место — ни лишних шагов, ни путаницы. Таков закон мафии, таков закон моего клана: иерархия здесь не обсуждается, она впитывается с детства, становится частью дыхания.

Я скользнула взглядом по рассадке, по лицам, по едва уловимым кивкам и взглядам, которыми обменивались люди, и вдруг остро почувствовала, что всё это — шахматная партия. Дон — король, уверенно держащий игру в своих руках,

а остальные — фигуры, каждая со своим ходом, своим значением. Но в этой игре я знала и другое: иногда пешка может стать королевой. Не потому что ей повезло, а потому что она сумела выжить, просчитать, дожидаться нужного момента.

Мысли о шахматах сами всплывали в голове, цепляясь за детали вечера, за напряжённые взгляды, за тишину, которая повисала в воздухе, когда кто-то делал шаг не туда. Философия шахмат — это не свод правил, а зеркало, в котором каждый видит свою жизнь. Дебют — это начало, когда все фигуры стоят на своих местах, полные надежд и ожиданий. Миттельшпиль — время активных действий, когда каждый ход может стать роковым. А эндшпиль... он приходит тогда, когда остаётся лишь несколько фигур, и каждый шаг слышен особенно громко. В этом мире, где я жила, не было места случайным ходам. Здесь каждый выбор был осознанным, а каждая фигура — ресурсом, который либо использовали, либо убирали с доски, если она становилась лишней.

«Не тот велик, кто никогда не падал. А тот велик, кто падал и вставал», — снова и снова звучали в памяти мамины слова. Она повторяла их так часто, что они стали моим внутренним компасом, особенно в те моменты, когда хотелось опустить руки. Мама всегда учила меня быть стойкой и терпеливой, видеть дальше одного хода, понимать, что падение — это не конец, а часть пути. Её уроки переплетались в моей голове с другими мыслями — о китайской философии, о её многогранности, о разных взглядах на жизнь. Конфуци-

анство говорило о долге и порядке, даосизм — о потоке и гармонии, моизм — о всеобщей любви и пользе. Но здесь, в этом зале, среди людей, для которых сила и контроль были важнее любых учений, я искала свой собственный путь — тот, что позволит мне остаться собой и при этом выжить.

Я глубоко вдохнула, стараясь унять дрожь в пальцах, и на-помнила себе: я должна быть сильнее, чем кто-либо, хитрее, чем кажется. Не для того, чтобы играть по их правилам, а чтобы однажды суметь изменить саму игру. И пока зал на-полнялся шёпотом голосов, звоном бокалов и ожиданием, я стояла среди всех этих фигур и тихо, про себя, делала свой первый осознанный ход.

. Выйдя из своих мыслей, я продолжала ступать следом за Капо, стараясь не сбиться с ритма его шагов. Мы остановились в нескольких шагах от Дона — достаточно близко, чтобы быть замеченными, но не настолько, чтобы нарушить негласную дистанцию. Здесь каждый шаг был выверен, каждое движение имело значение. Я знала: прежде чем я смогу хоть слово сказать, отец должен представить меня. Нарушить этот порядок — значит опозорить не только себя, но и всю семью. В нашем мире такая ошибка не прощается, она врезается в память людей, словно клеймо, и остаётся там навсегда.

Рядом с Доном, по правую руку, стоял его сын Амо. Я не поднимала на него взгляда — так было положено. Смотреть

прямо на наследника, особенно не будучи приглашённой к разговору, считалось дерзостью. Я старалась держаться ровно, демонстрируя покорность и уважение, но внутри всё сжималось от напряжения. По левую руку от Дона стояла Лукреция Висконти — её осанка была такой гордой, что она и правда напоминала лебедя: изящная, величественная, но в любой момент готовая ударить острым крылом. Её улыбка казалась доброй, но взгляд оставался холодным, пронизывающим, будто она видела насквозь каждого, кто осмеливался приблизиться. В её облике читалось: да, я женщина, но если потребуется, не дрогну ни на миг — и возьму в руки оружие, не моргнув. На ней было золотое платье, украшенное стразами — не кричащее, не вульгарное, а именно элегантное, подчёркивающее её статус. Волосы были убраны в строгий пучок, в который искусно вплели алмазные украшения — они мерцали при каждом её едва уловимом движении. Сеньора Лукреция выглядела как настоящая королева — не из тех, кто правит из тени, а из тех, кто стоит рядом с королём и знает цену своей силе. Глядя на неё, я ловила себя на мысли: вот с кого стоит брать пример. Настоящая леди мафии — не покорная тень мужа, а равная ему опора, способная и поддержать, и наказать.

Отец протянул руку Дону, и между ними завязался обмен приветствиями — вежливый, сдержанный, но полный скрытого смысла. Слова звучали как клятвы, а рукопожатие — как договор, скреплённый не чернилами, а кровью традиций.

— Дон, сеньора Лукреция, поздравляю вас с годовщиной. Примите поздравления от моей семьи. Почёт и процветание вашей семье. Пусть ваш брак простоит ещё лет сто, а род ваш проживёт под своей фамилией тысячи и тысячи лет, — произнёс отец, вручая Дону продолговатый кейс.

Когда Дон открыл его, я мельком увидела содержимое — и невольно задержала дыхание. Это было оружие, но не обычное, а настоящее произведение искусства: из чёрного металла, с золотыми вставками и кроваво-алой гравировкой. На лезвии (или стволе — я не успела разглядеть) чётко выделялись слова: *La forza e la vendetta* — «Сила и месть». Подарок говорил громче любых слов: это был знак уважения, признания и напоминание о том, на чём держится их власть.

Жене Дона отец преподнёс букет из ста одной бордовой розы — не просто символ элегантности, а знак особого почтения. Рядом с цветами он положил небольшой футляр, в котором лежала брошь с символом Италии, а внутри — имя сеньоры, выгравированное с ювелирной точностью.

— Мой верный друг, рад, что ты пришёл сегодня. Каждый член моего клана важен для меня, особенно твоя семья. Наши семьи всегда бились бок о бок — да будет так всегда, — ответил Дон, а затем его взгляд скользнул ко мне. — Я так понимаю, этот прекрасный ангел в чёрном — твоя дочь?

— Прошу простить дерзость и грубость моей дочери. Это моя дочь, Каролина, — отец слегка повернул голову в мою сторону, и в его голосе прозвучал тот самый стальной отте-

нок, который я знала слишком хорошо. Он не кричал, не повышал голоса — ему это было не нужно. Одного тона хватало, чтобы по спине пробежал холодок. «Каролина, подойди ближе. Дон, дозволейте представить вам мою дочь — Каролина Бернарди», — произнёс он, и я почувствовала, как его взгляд прожигает мне спину. Он был недоволен — и я знала, что дома меня ждёт очередной разговор, который будет куда страшнее любого взгляда Дона.

— Что вы, Капо Бернарди, лично мне нравится платье Каролины. Милая, ты прекрасно выглядишь. Да, на такой милой девушке с таким ангельским лицом подошёл бы другой цвет... но поймите её: она потеряла мать. Каролина, прими мои и моего мужа слова соболезнования. Я знала Николетту, мы были близки, — произнесла сеньора Лукреция, и её голос прозвучал неожиданно мягко, без привычной стальной твёрдости.

Я ожидала, что Дон нахмурится — ведь она заговорила без его позволения, вмешалась в ритуал представления. Но вместо гнева на его лице появилась тёплая улыбка. Он взял руку жены и поцеловал костяшки её пальцев — жест, в котором было столько нежности и уважения, что я на мгновение забыла, где нахожусь.

— Благодарю вас, для меня это многое значит, — проговорила я, глядя прямо в глаза сеньоре Лукреции. Затем, собравшись с духом, подняла взгляд на Дона. Я не боялась его — но его взгляд действительно пугал. В нём было столько

силы, столько знания о чужих слабостях, что казалось, он видит не только мои слова, но и все мои страхи, спрятанные глубоко внутри.

— Дон и сеньора Висконти, прошу прощения за дерзость моих слов. Прошу, позвольте вам подарить скромный подарок — эту картину, — прошептала я, и Вико тут же передал полотно одной из служанок.

На картине была изображена семья Висконти — я рисовала её с таким трепетом, вкладывая в каждый мазок частичку своей души. Мне было важно не просто угодить, а передать то, что чувствовала: их силу, их единство, их мрачную, но завораживающую красоту. Я замерла, затаив дыхание, пока полотно разворачивали. Боковым зрением я ловила реакцию гостей, время от времени невольно поглядывая на Амо — и каждый раз натыкалась на его пристальный, почти обжигающий взгляд, от которого хотелось то ли спрятаться, то ли, наоборот, выдержать до конца.

И вот картину открыли.

В зале повисла тишина — всего на мгновение, но оно показалось вечностью. А потом... зал взорвался аплодисментами. Люди шептали, кивали, кто-то даже восклицал: «Великолепно!», «Какой талант!», «Это нечто!». Я подняла ошеломлённый взгляд на Дона и его жену. Сеньора Лукреция стояла, едва сдерживая слёзы — её глаза блестели, а губы дрожали, будто она хотела что-то сказать, но не могла найти слов. Дон же смотрел на полотно с лёгкой, едва заметной

ухмылкой, в которой читалось не просто одобрение, а что-то большее — признание.

— Однажды я видел подобный стиль рисования. Этот стиль я не забуду никогда. Каролина, у тебя дар твоей матери. Цени это и не теряй. Подари его и своим детям, чтобы твоё наследие продолжило жить, — произнёс он, и от этих слов у меня перехватило дыхание.

Я была потрясена. И счастлива. Все эти дни я боялась, что картина окажется неудачной, что она никого не тронет, что я лишь выставлю себя на посмешище. Но она смогла — проникла в души, отозвалась в сердцах, заставила даже этих холодных, закалённых жизнью людей почувствовать что-то настоящее. Дон жестом пригласил всех рассаживаться за столами, но прежде сделал ещё один важный шаг — официально представил мне Амо, как своего сына и будущего наследника этой империи, как будущего дона клана и семьи. В этом жесте было больше, чем просто знакомство. Это было предупреждение, обещание и, возможно, испытание — всё сразу. И я поняла: с этой минуты моя жизнь уже не будет прежней.

Каролина

Когда Дон негромко обронил: «Можете занять свои места», — в зале будто на миг стих даже шёпот. Я застыла, пытаюсь уловить скрытый смысл в этих словах. Ждала, что нас отведут к столу где-то в стороне,

там, где почёт не давит на плечи, а взгляды не сверлят спину. Но отец твёрдым шагом направился прямо к столу Дона.

Я смотрела ему вслед, и внутри всё сжималось. До этой секунды я не осознавала, насколько он близок к самому сердцу семьи. Настолько, что его место — рядом с Доном.

Подойдя к сцене, я на секунду замерла у ступеней, будто они могли удержать меня от того, что ждало наверху. Выдохнула, собираясь с силами, и начала подниматься. Ступеньки отдавались в груди глухим эхом, словно отсчитывали последние мгновения прежней тишины. К столу я подошла последней, чувствуя на себе десятки взглядов, тяжёлых, изучающих, будто каждый искал в моём лице слабость.

За столом уже сидели: консьере Альвиз Верди — с лицом, высеченным из камня, рядом с ним — его сын Марко, в чьих глазах плясали озорные искры, несмотря на всю торжественность момента. Слева от Дона — мой отец, прямой, собранный, будто сам вечер был его творением; рядом с ним — мачеха, её улыбка была безупречна, как и её холодное спокойствие. Сам дон Чезаре Висконти сидел во главе, словно удерживая на своих плечах вес всей этой власти. Рядом с ним — Лукреция Висконти, её взгляд скользил по залу, будто она считывала каждую тень, каждое движение. Их сын Амо... Он сидел чуть вполоборота, и когда я подняла глаза, наши взгляды столкнулись.

Последний стул предназначался мне.

С тяжёлыми, нарочито размеренными шагами я подошла к нему и села, тихо, но отчётливо произнеся:

— Прошу прощения за ожидание.

Слова прозвучали в тишине почти как клятва.

Моя семья расположилась по левую сторону от Дона, семья Верди — по правую. И так вышло, что я и Амо оказались друг напротив друга.

Наши глаза встретились — и воздух вокруг будто сгустился. Он стал тяжелее, насыщеннее, словно заряженный невидимым током. Казалось, между нами протянулась тонкая, но прочная нить, и любое неосторожное движение могло заставить её зазвенеть. Я напряглась, стараясь не выдать, как сильно дрожит внутри что-то неуловимое.

«Ничего дурного он не скажет за столом, — твердила я себе, цепляясь за эту мысль, как за якорь. — Здесь действуют правила. Здесь нельзя переступить черту». Но вечер только набирал обороты, и я чувствовала: эта тишина — лишь затишье перед чем-то неизбежным.

Амо чуть наклонил голову, будто хотел что-то сказать, но лишь едва заметно приподнял бровь. В этом жесте было столько скрытого смысла, что у меня перехватило дыхание.

— Нервничаешь? — негромко спросил Марко, наклонившись чуть вперёд и едва заметно подмигнув мне. Его голос прозвучал неожиданно легко среди всей этой напряжённой

торжественности.

Я хотела было ответить что-то резкое, чтобы скрыть волнение, но вместо этого лишь сдержанно улыбнулась:

— Просто привыкаю к виду с этого места.

Марко тихо хмыкнул, будто понял, что я не собираюсь раскрывать свои карты.

— С этого места видно всё, — прошептал он, чуть склонив голову в сторону Амо. — И всех.

Я не успела ничего ответить. В этот момент Дон поднял бокал, и зал снова замер, ожидая его слов. Но в ту долю секунды, пока взгляды всех были устремлены на него, я почувствовала на себе взгляд Амо — тяжёлый, внимательный, будто он пытался прочесть в моих глазах то, что я сама ещё не осмеливалась назвать.

— Спасибо всем, кто сегодня здесь, рядом со мной и моей женой! Друзья, семья... Сегодня — двадцать пять лет, как я женат на прекрасном лебеде, на той самой женщине, что помогает нашему миру стоять твёрдо, оставаясь в тени, оберегая его хрупкое равновесие в этом закрытом, опасном пространстве.

Голос Дона звучал так, будто каждое слово было высечено из камня: громко, грозно, спокойно — и в то же время в нём проскальзывали едва уловимые нотки тепла и доброты, словно сквозь броню власти пробивался живой, человеческий свет.

— Дорогая моя Лукреция... Двадцать пять лет назад ты

сделала меня счастливым, подарив себя, своё тепло и своё сердце. А позже — и сына. Сегодня наша годовщина, но я решил устроить её как нашу вторую свадьбу. Так давайте же, дорогие мои друзья и моя семья, поднимем бокалы за мою прекрасную львицу, за мою жену Лукрецию!

Слова Дона повисли в воздухе, тяжёлые и торжественные, будто сами по себе были клятвой. Закончив речь, он чуть склонил голову, и в этот миг все подняли бокалы. Зал наполнился звоном хрусталя, шёпотом поздравлений, сдержанными улыбками и взглядами, в которых читалось уважение — и ещё что-то, едва заметное: тень преданности, смешанной со страхом.

Я тоже подняла бокал, сделала глоток — не слишком большой, ровно столько, чтобы не нарушить негласные правила этого вечера. За этим простым движением скрывалась целая история: я чувствовала на себе взгляд отца. Он не кричал, не делал замечаний, но его молчание было громче любого окрика. В его глазах читалось предупреждение: «Не смей сегодня потерять контроль, как на моей свадьбе. Здесь каждая ошибка заметна». И я не смела. Не здесь, не сейчас.

Дон махнул рукой — коротким, властным движением, после которого мир будто перестроился по новой команде. И началось настоящее представление.

В центр зала, туда, где до этого царила нарочитая пустота, словно специально оставленная для чего-то особенного,

вышли танцовщицы с огнём. Пламя в их руках жило своей жизнью: оно взмывало вверх, изгибалось, шептало и трещало, будто рассказывало древнюю, никому не известную историю. К потолку летели искры, и казалось, что сам воздух в зале стал горячее, гуще, насыщеннее.

На фоне танца звучала музыка — не просто мелодия, а что-то глубокое, прожигающее душу насквозь, заставляющее сердце биться в странном, почти болезненном ритме. Она проникала под кожу, будила забытые страхи и желания, заставляла трепетать не только тело, но и мысли. Танец девушек с огнём завораживал, гипнотизировал: он был одновременно прекрасным и опасным, как сама жизнь в нашем мире.

Многие дамы среди гостей не могли оторвать взгляд от этой картины — в их глазах читался восторг, смешанный с лёгким испугом, будто они боялись, что пламя может дотянуться и до них. Дети, напротив, смотрели с блеском в глазах, оживлённо перешёптывались, указывая пальцами на искры, летящие к потолку. Для них это было чудо. Для многих взрослых — привычное зрелище, часть ритуала, который повторялся из года в год. Но для меня всё это было впервые.

Я ещё никогда не выходила с отцом «в свет». Все эти годы они с мамой будто прятали меня, как своё потаённое сокровище, скрытое от чужих глаз и чужих намерений. И теперь, стоя среди этого блеска и огня, я чувствовала себя одновре-

менно слишком заметной и слишком уязвимой.

Затаив дыхание, я следила за движениями танцовщиц, за тем, как огонь рисует в воздухе невидимые узоры, как зал замирает и снова оживает в такт музыке. Я слышала обрывки разговоров, чувствовала на себе десятки взглядов — но один из них был особенным. Я ощущала на себе взгляд Амо. Он не пытался привлечь моё внимание громкими словами или резкими жестами; его взгляд был тихим, но настойчивым, словно он хотел прочесть меня, разгадать, понять, что прячется за моим сдержанным лицом.

Я избегала смотреть в его сторону. Не потому, что боялась, а потому, что знала: если позволю себе встретиться с ним взглядом хоть на мгновение, это может изменить всё. Сейчас мне нужен был этот год — чтобы противостоять отцу, чтобы найти свой путь в этом мире, где каждое решение имело цену. Я не могла позволить себе пустить Амо в своё сердце, даже если его взгляд обещал что-то большее, чем просто интерес. Слишком много стояло на кону. Слишком многое ещё предстояло сделать.

Закончив танец, девушки плавно отступили в тень, будто растворились в полумраке зала, и вместо них к центру, к тому самому пустому пространству, которое словно ждало своего часа, вынесли музыкальные инструменты. Скрипки, виолончель, фортепиано — всё из тёмного дерева, отполи-

рованное до зеркального блеска, будто само по себе уже было частью ритуала.

И вот в зале заиграла спокойная итальянская музыка — похожая на оперу, но не для танцев, а лишь для фона, чтобы обволакивать, проникать под кожу, будоражить старые воспоминания и рождать новые предчувствия. Мелодия текла, как густой тёмный мёд, и в её переливах слышалось что-то вечное: и клятвы, и предательства, и любовь, которая переживёт даже смерть.

Многие гости стали разговаривать между собой, вести светские беседы — но за каждым вежливым словом пряталась целая история. Кто-то вспоминал прошлое, кто-то строил планы на будущее, а кто-то просто пытался угадать, что произойдёт дальше. В этом мире даже тишина была многословной.

За нашим столом всё шло своим чередом, но каждый разговор был как шахматная партия. Дон, мой отец Вито и Алвиз склонились друг к другу, их голоса звучали низко, почти неразборчиво, но я ловила отдельные фразы, складывая их в единую картину.

— Помнишь, как мы брали тот склад на окраине? — тихо спросил Вито, чуть наклоняясь к Дону.

— Ещё бы, — хмуро усмехнулся Дон. — Тогда у меня ещё не было седины, а страха не было вовсе. Думал, бессмерт-

ный.

— А теперь? — поддел Алвиз, едва заметно приподнимая бровь.

Дон на мгновение замер, потом медленно покачал головой:

— Теперь знаю цену каждому дню. И каждой ошибке.

Они говорили о старых делах, о том времени, когда Дон только занял место своего отца, когда мир казался проще, а враги — понятнее. В их словах не было хвастовства, только тяжесть прожитых лет и горьковатый привкус воспоминаний.

Марко и Амо тем временем перешёптывались, но их шёпот был совсем другим — в нём слышался азарт, почти мальчишеское веселье.

— Спорим, сегодня кто-нибудь обязательно уронит бокал прямо на платье Алессы? — пробормотал Марко, едва сдерживая смех.

— Не спорю, — спокойно ответил Амо, но в его глазах мелькнула искорка. — Я даже знаю, кто это будет.

— Да ладно тебе! Ты что, видишь будущее?

— Нет. Просто знаю, как она двигается. Один неверный шаг — и катастрофа неизбежна.

Я едва не улыбнулась, но вовремя сдержалась: в этом доме даже улыбка могла быть истолкована неправильно.

Лукреция и Лаурета тоже иногда вступали в беседу с мужчинами, но делали это так изящно, будто играли на другом инструменте, дополняя общую мелодию вечера.

— Ты помнишь тот бал у Корсини? — спросила Лукреция, чуть наклонив голову. — Когда все думали, что это просто праздник, а на самом деле решалась судьба трёх семей?

— Помню, — тихо ответил Дон, и в его голосе прозвучала тень улыбки. — Ты тогда была в том самом платье — чёрном, с серебряной вышивкой. Я не мог отвести от тебя глаз.

— А я думала, ты смотришь на карты.

— На карты я смотрел потом. Сначала — на тебя.

Их разговор был лёгким, почти игривым, но за этой лёгкостью пряталась целая жизнь, прожитая бок о бок.

Я же продолжала думать о своём и следить за тем, что происходит в банкетном зале, ища глазами рыжую макушку Адэлины — она тоже должна быть тут. Но народу было слишком много: платья переливались, как драгоценные камни, костюмы отливали чёрным шёлком, и каждый человек казался частью огромного, живого узора. Мой взгляд веч-

но терялся, натываясь то на изучающие, то на завистливые взгляды девушек примерно моего возраста. В их глазах читалось любопытство, смешанное с лёгкой враждебностью: кто я такая, почему сижу за этим столом, что значу в этом мире?

— Не обращай внимания, — тихо шепнула мне Сеньора Лукреция, будто прочитав мои мысли. — Они всегда так смотрят. Сначала — с завистью, потом — с уважением. Или наоборот. Тут никогда не угадаешь.

— Спасибо, — так же тихо ответила я, чувствуя, как внутри становится чуть спокойнее.

— Знаешь, когда я впервые пришла на такой приём, я думала, что упаду в обморок прямо у всех на виду.

— И что вас спасло?

— Мысль о том, что если я упаду, то испорчу кому-нибудь вечер. А этого я допустить не могла.

Мы обе едва заметно улыбнулись, и эта маленькая, почти незаметная улыбка стала моим тайным оружием на этот вечер.

А музыка всё лилась, сплетаясь с разговорами, смехом, шёпотом, и казалось, что весь зал дышит в одном ритме. И в этом ритме пряталась интрига: каждый здесь что-то скрывал, о чём-то мечтал, чего-то боялся. Даже я сама не знала, что

случится через час — но чувствовала, что этот вечер изменит что-то важное. Может быть, не сразу, не громко, а тихо, как меняется свет перед рассветом: незаметно, но навсегда.

Устав сидеть за столом, многие гости стали бродить по залу, а некоторые потянулись в сад — и не зря. Благодаря громкой музыке и распахнутым окнам её отзвуки долетали и туда, сплетаясь с ночным воздухом, напоённым ароматом жасмина и чего-то пряного, почти таинственного. Как я узнала чуть позже, в саду, как и в зале, устроили представления — только тут они были будто из другого мира: более спокойные, но от этого не менее завораживающие. В саду царила своя, особая магия. Тут и животные — грациозные павлины медленно расхаживали по дорожкам, распуская хвосты, будто демонстрируя, кто здесь главный; клоуны в пёстрых костюмах ловко жонглировали светящимися шарами, заставляя детей визжать от восторга; трюкачи взмывали в воздух, будто бросая вызов самой гравитации; балетные танцовщицы скользили по мраморной площадке, словно призраки из старой сказки; гадалки в тёмных шалях шептали что-то загадочное, сверкая глазами из-под тяжёлых ресниц; а неподалёку манил тир — с деревянными мишенями и запахом пороха, который странным образом смешивался с цветочными нотами.

«Как это не похоже на мафию», — мелькнуло у меня в голове. Но тут же сама себя одёрнула: естественно, здесь полно людей, которые не знают о нашем мире. Для них это просто

роскошный праздник, сказка, которую они будут вспоминать годами. А для нас — ещё один способ держать всё под контролем, прятать острые углы за блеском и весельем.

Выйдя в сад, я остановилась у входа. Справа тянулась изящная галерея с перилами — оттуда открывался вид на весь этот хаос, и можно было наблюдать за всем, оставаясь в тени. Я как раз пыталась уловить ритм этого вечера, разложить его по полочкам, когда со спины ко мне подлетели, чуть не оглушив радостным воплем.

— Ну наконец-то я тебя нашла! — прокричала Адели, хватая меня за руки и чуть ли не подпрыгивая на месте. — Тут капец как много народу! Но знаешь, как я тебя вычислила? Искала девушку в чёрном — ты и вправду единственная, кто осмелился прийти в чёрном! Это же бунт, Карли! Чистый бунт! Ну и что сказал тебе отец? Небось грозился лишить десерта до конца жизни?

Адели была на взводе: глаза сияли, рыжие кудри разлетались во все стороны, будто жили своей жизнью, а слова сыпались быстрее, чем конфетти на карнавале. Она тараторила без остановки, и от этой её энергии даже воздух вокруг будто стал теплее.

— Ничего такого, чего бы я не слышала раньше, — улыбнулась я, слегка пожимая плечами. — Но дома меня ждёт разнос, как обычно.

Мы обе рассмеялись — этот смех был как глоток свежего воздуха, и с приходом Адели мне и правда стало легче ды-

шать. Напряжение, которое сжимало грудь весь вечер, потихоньку отпускало.

— Ладно, хватит грустить о грядущих лекциях от папы, — решительно заявила Адели, подхватывая меня под руку. — Сегодня мы фотографируемся у фонтана с павлинами, посмотрим на трюкачей и вообще делаем всё, что запрещено. Ну, или почти всё.

— Ты сейчас говоришь так, будто это не ты пять часов назад ходила по магазинам и клялась, что ноги больше не сделают ни шага, — поддразнила я.

— То было пять часов назад! — возмутилась Адели с таким видом, будто я затронула святое. — А сейчас у меня новая жизнь, новые силы и, возможно, новая причёска — если найду кого-то, кто согласится заплести мне косу за три минуты.

Мы смеялись, пробираясь сквозь толпу, и я вдруг поймала себя на мысли, что впервые за вечер чувствую себя не дочерью Вито, не наследницей клана, а просто девчонкой, которая гуляет по волшебному саду с лучшей подругой.

— Карли, знаешь, я тут уже увидела несколько знакомых лиц, — зашептала Адели, наклоняясь ко мне и делая вид, что поправляет бретельку платья, хотя на самом деле просто хотела сказать это потише. — Это наши одноклассники. И я обязана тебя с ними познакомить! Кстати, двое из них — члены мафии, как и ты, и я... Ну, я лишь наполовину причастна, из-за отца, а ты на «полной программе», как и они.

Насколько я поняла, один — сын капитана, другой — сын главы службы безопасности. Короче, в нашем классе учатся не просто дети, а дети опасных и уважаемых людей. Те, кто связан с мафией.

От услышанного я слегка замерла, переваривая эту информацию. Мир будто сдвинулся на миллиметр, открывая новые грани.

— Надеюсь, хоть школа не связана с мафией? — спросила я в шутку, стараясь скрыть лёгкое потрясение.

Адели расхохоталась так громко, что на нас обернулись несколько гостей. Но ей было всё равно.

— Карли, не поверишь, но связана! — проговорила она, вытирая выступившие от смеха слёзы. — Там учатся и обычные дети, и дети богатеньких родителей, которые и не подозревают о нашем мире, и такие, как я — наполовину причастные, и вы — дети клана. Это как отдельный микрокосм, где все друг друга знают, но никто никому ничего не говорит... ну, почти никто.

— М-да... Ну и школа, — протянула я, покачивая головой. — И вроде есть с кем познакомиться, и в то же время особо правила не нарушишь.

— Именно! — торжественно кивнула Адели. — Зато сколько интриг! Представь: на уроке химии ты случайно узнаёшь, что сосед по парте — племянник консильери. А на перемене делаешь вид, что тебе всё равно. Это же высший пилотаж!

Мы ещё немного побродили по саду, фотографировались у фонтана, смеялись над клоуном, который пытался научить нас жонглировать (у меня не получилось даже удержать один шар), заглядывали в тир, где Адели всерьёз собралась выиграть плюшевого медведя, но вовремя вспомнила, что не умеет стрелять.

— Ладно, медведь переживёт, — философски заявила она, отступая от стойки. — Зато я теперь официально могу сказать, что пробовала.

Походив так по саду около часа, мы направились внутрь: по программе начинался первый танец Дона и синьоры Лукреции. Как только все гости зашли и расселись по местам, заиграла классическая музыка — глубокая, волнующая, будто созданная, чтобы обнажать самые потаённые чувства.

Дон вывел свою жену в центр зала и закружил в танце. Их движения были плавными, отточенными, словно они репетировали этот момент всю жизнь. Они напоминали двух лебедей — гордых, прекрасных, связанных невидимой нитью, которую не разорвать ни годам, ни бурям. Музыка обволакивала душу, проникала под кожу, и я засмотрелась на них, забыв обо всём. Это было завораживающе: не просто танец, а целая история, рассказанная без слов.

Мой отец протянул руку Лаурете и отправился с ней к Дону, чтобы поддержать их в танце, и так поступили многие гости — зал будто ожил, наполнился кружащимися парами,

шёпотом платьев, тихим смехом и взглядами, полными воспоминаний.

Я сидела на стуле и смотрела в зал, наблюдая, как синхронно двигаются пары, как свет люстр играет на бриллиантах и шёлке, как в каждом движении прячется своя тайна. От этих мыслей меня отвлёк Амо: когда я повернулась к нему, Марко уже исчез — растворился в толпе, как призрак, оставив после себя лишь лёгкий след озорной улыбки.

Амо чуть наклонил голову, будто хотел что-то сказать, но не спешил нарушать тишину. В его взгляде читалось столько всего сразу — и лёгкая насмешка, и любопытство, и что-то ещё, едва уловимое, как отзвук далёкой мелодии.

— Ангел мой, ты нарочно сегодня избегаешь моего взгляда? Куда же делась та дерзость, которую ты показывала мне несколькими неделями ранее? Что случилось с *la mia bella stella*? (моей прекрасной звездой?)

Амо посмотрел на меня так прожигающе, что по спине побежали мурашки, а воздух между нами снова заискрился, будто кто-то поднёс к нему спичку. Его глаза — цвета грозового неба с едва уловимым оттенком ясного голубого — завораживали. Они преследовали меня и днём, и ночью: снились то в тревожных кошмарах, то в самых обычных снах, и я никак не могла выкинуть их из головы. Казалось, эти глаза видели меня насквозь, добираясь до самых потаённых уголков души.

— Никуда она не делась. Если ты не заметил, рядом твой

отец и мой. Я не могу нарушить правила, не могу проявить неуважение к наследнику. Но когда их нет... — я выдержала паузу, глядя ему прямо в глаза, и вложила в этот взгляд всю свою холодную дерзость: — Тогда я вполне могу послать тебя куда подальше.

Амо лишь рассмеялся в ответ, и в его глазах вспыхнула озорная искра — та самая, от которой у меня внутри всё переворачивалось. Он смотрел на меня так, будто знал какой-то секрет, который я отчаянно пыталась разгадать.

— Да, вот он, мой ангел, — протянул он, чуть склонив голову, и скользнул взглядом по моему платью. — Но почему ты сегодня в чёрном? Ты не знаешь, что это цвет траура?

От его слов я лишь хмыкнула, стараясь удержать маску ледяного спокойствия.

— А у меня и есть траур. Чёрный — мой цвет. Это мой бунт против Капо.

Я хотела отвернуться, устремить взгляд в зал, туда, где пары кружились в танце, будто не было в мире ни мафии, ни правил, ни запретов. Но Амо резко встал со стула, подошёл ко мне и протянул руку — уверенно, без тени сомнения, как человек, привыкший, что ему не отказывают.

Я посмотрела на эту руку, на длинные пальцы, на едва заметные шрамы, рассказывающие свои молчаливые истории. Мне не хотелось танцевать, не хотелось давать повод для пересудов, но отказать наследнику мафии на виду у всех — значит подписать себе приговор. Капо не простит такой дер-

зости.

— Давай же, мой ангел, подари мне один танец. Прошу тебя. Ведь второй ты ещё не скоро сможешь подарить мне.

Фраза повисла в воздухе, загадочная и многозначительная, словно в ней скрывался какой-то тайный смысл, понятный только ему.

— Я и первый не хочу дарить. Но отказывать на виду у всех... Капо убьёт меня, если я откажу наследнику мафии.

С этими словами я вложила свою руку в его. Его ладонь оказалась тёплой и твёрдой, и от этого простого прикосновения по коже пробежал электрический разряд.

Амо повёл меня на танцпол, и, как только его рука легла на мою талию, весь мир будто замер. Звуки, голоса, шёпот гостей — всё растворилось в тишине, которая возникла только для нас двоих. Я подняла глаза на него и замерла, потерявшись в этих грозových глазах.

Мы начали танцевать, и наши движения оказались настолько синхронными, будто наши тела были созданы друг для друга. Сердце колотилось где-то в горле, а между нами пробегала искра, обжигающая и пьянящая. Наши дыхания смешивались, взгляды не отрывались друг от друга, и мы не замечали, как гости замирают, наблюдая за нами, как по залу ползёт шёпот, сплетаясь в единый гул.

Когда музыка наконец стихла, Амо поднёс мою руку к губам и поцеловал костяшки — медленно, нарочно, так, чтобы каждый в зале это увидел. Затем он повёл меня обратно к

столу под аплодисменты, которые звучали то ли как одобрение, то ли как предупреждение.

Вечер вдруг стал другим — наполненным напряжением, ожиданием чего-то неизбежного. Пока мы шли к нашему столику, Амо наклонился ко мне, и его губы едва коснулись моего уха, когда он прошептал:

— Я говорил, что представляюсь тебе официально. И я обещал дать всем понять, кому ты принадлежишь. Теперь ты — мой ангел. Только мой.

Я остановилась, пытаюсь перевести дыхание и вернуть ясность мыслям, но слова застряли в горле. Амо уже сидел за столом рядом с Алвизе и Марко, о чём-то оживлённо беседуя, будто только что не перевернул весь мой мир. А я побрела к своему месту под удивлёнными взглядами и перешептывание девушек, чувствуя, как на меня обрушивается тяжесть новых правил игры — правил, в которых я пока не знала ни ходов, ни выхода.

Амо

Сидеть и смотреть, как Каролина избегает моего взгляда, было почти невыносимо — словно кто-то медленно затягивал петлю на горле. В этом чёрном платье она выглядела не просто эффектно, а опасно. Мой падший ангел. Даже удивительно, что я это предвидел: знал, что она выберет только чёрный — будто бросала вызов всему залу, полному ярких красок и фальшивых улыбок. Специально послал за ней

слежку, чтобы знать каждый её шаг, пока она ещё не принадлежит мне официально. Я надеялся увидеть её сегодня в чём-то ярком, кричащем, таком, что заставило бы всех обернуться. Но в чёрном она притягивала взгляд сильнее любого фейерверка.

Пепельные волосы ловили отблески хрустальных люстр, отливая серебром, будто в них запутались осколки луны. Лёгкий загар делал кожу тёплой на фоне ледяной ткани платья, а синие глаза казались бездонными — в них можно было утонуть, если позволить себе смотреть слишком долго. В этом сочетании была какая-то неправильная, почти болезненная красота — та, что заставляет сердце биться чаще, а разум шептать: «Опасно». И я не мог оторвать от неё взгляд.

Отец заметил. Конечно, заметил. В нашем мире ничего не проходит мимо его глаз — он считывает малейшие движения, как хищник замечает дрожь в траве.

— Неужели моего сына что-то заинтересовало? — его голос прозвучал обманчиво спокойно, но в нём таилась насмешливая искра. — Ты весь вечер смотришь на Каролину, даже не замечая других девушек. Ко мне уже подходили пару Капо, пытались навязать своих дочерей, чтобы я познакомил их с тобой. Но, увидев, как ты смотришь на дочь Вито... я удивлён. Очень удивлён.

Я с усилием отвёл взгляд от Каролины и посмотрел на отца. Мы старались говорить тихо, чтобы мать этого не услы-

шала. Иначе она уже к утру составит план свадьбы, подготовит список гостей и решит, в каком цвете оформить банкет — и всё это, не спросив ни меня, ни Каролину.

— Я лишь смотрю, — произнёс я ровно, стараясь вложить в эти слова как можно больше безразличия. — Она ещё ребёнок, отец. Насколько я понимаю, она впервые вышла в свет — иначе я бы заметил её раньше.

Я смотрел на отца, ловя каждую тень на его лице, и ждал, что он скажет. Но мать, видимо, всё-таки что-то услышала — и её голос, звонкий, как удар хлыста, прорезал тихий разговор:

— Вито, скажите мне, как Капо, вы бы рассмотрели моего сына в качестве жениха для своей дочери, не будь он наследником?

В зале будто на секунду стихла музыка. Даже хрустальные подвески на люстрах, казалось, перестали звенеть. Каролина поперхнулась водой — резкий, неловкий звук, который прозвучал громче любого крика. Я едва сдержался, чтобы не выругаться вслух. Марко, сидевший рядом, быстро прикрыл рот кулаком, пытаясь спрятать рвущийся наружу смех. Лаурета застыла с выражением искреннего изумления, будто ей только что сообщили, что небо зелёное.

Только Вито и Алвиз остались неподвижны, словно высеченные из камня. Их лица не выражали ни удивления, ни смущения — только холодную, непроницаемую сосредоточенность людей, привыкших держать удар. Отец же прожи-

гал мать взглядом, в котором читалось столько невысказанных слов, что хватило бы на целую войну.

«М-да... вот это ситуация», — мелькнуло у меня в голове. Смешная и жуткая одновременно. Как сцена из дурной комедии, где один неверный шаг может стоить слишком дорого.

Каролина прокашлялась, медленно подняла голову — и посмотрела на меня. В этом взгляде не было ни растерянности, ни девичьей неловкости. Он был острым, как лезвие, и прожигал насквозь. Казалось, она уже пять раз сожгла меня дотла, а потом снова и снова вонзала в сердце нож — холодный, точный, без лишней жестокости, просто чтобы напомнить: она не собирается быть пешкой в чужой игре. В её глазах горел огонь — не просто гнев, а чистая, неприручённая ярость, в которой смешивались ненависть, гордость и что-то ещё, чему я пока не мог подобрать названия. И от этого огня у меня на мгновение перехватило дыхание.

Моя мама не замечая напряженной ситуации продолжила — Чезаре, ну хоть ты скажи хоть что-то! Разве Каролина не ангел? Я как раз мечтала о такой невесте и дочери! — Моя мать произнесла это с натянутой улыбкой, но в её глазах полыхал настоящий огонь — тот самый, что годами заставлял даже самых суровых капо замирать на полуслове. Она прожигала отца взглядом, дерзким, бесстрашным, словно бросая молчаливый вызов всему миру. М-да... Моей матери точно не было равных. Наверное, она — единственная

жена Дона, которая не боялась бросить ему вызов при всех. Она знала: отец не станет на неё кричать. Она умела вить вокруг него верёвки, сплетая их из нежности, упрямства и той самой непокорности, которую он втайне обожал.

Вито посмотрел на моего отца, будто спрашивая не столько разрешения ответить, сколько поддержки в этом зыбком, опасном разговоре. Отец едва заметно кивнул — лёгкое движение, почти неуловимое для чужого глаза, но для нас, своих, — чёткий знак: говори, но осторожно. Вито отпил виски, и в этом жесте сквозила не расслабленность, а попытка унять внутреннее напряжение. Хруст кубиков льда в бокале прозвучал в тишине, как сухой треск ломающейся ветки.

— Сеньора Лукреция, — начал Вито спокойно, взвешивая каждое слово, — конечно, я был бы искренне признателен иметь в зятях такого прекрасного солдата, как Амо. Он — лучший в нашем клане, второй после Матео и по слежке, и по... всему остальному. Для меня это честь, что вы выбрали мою дочь. Но всё же мы сейчас не живём в том мире, где девушек выдают замуж в семнадцать лет.

Он говорил ровно, без тени неуважения, с той самой дипломатичностью, за которую его ценили и боялись: он одновременно говорил и «да», и «нет», оставляя пространство для манёвра, но не давая ни одной стороне повода для обиды.

Моя мать победно улыбнулась — улыбкой, в которой чи-

талось: «Я всё равно добьюсь своего». Отец прокашлялся, звук вышел сухим, резким, как щелчок кнута.

— Вито, Алвизе, давайте выйдем, поговорим, — произнёс он, и в его голосе уже не было ни намёка на светскую беседу. Это был голос Дона — властный, не терпящий возражений.

— Амо, Марко, вы с нами.

Мы встали, отодвигая стулья с едва слышным скрежетом по мрамору, и вышли из-за стола. По коридору особняка мы шли в звенящей тишине — той самой, что бывает перед грозой. В ней звенели невысказанные слова, напряжение, недоговорённости, тяжёлые, как свинцовые гири. Каждый шаг отдавался эхом в груди, будто само здание прислушивалось к нам, храня все тайны, что мы несли в себе.

Когда мы вошли в кабинет, я думал, отец продолжит говорить насчёт свадьбы. Но он удивил нас всех.

— Вчера Масару зашевелился, — произнёс отец, и его голос прозвучал глухо, как удар в набат. — Он только недавно заметил, что его дочь пропала. Надеюсь, нашу гостью вы надёжно спрятали?

Мы с Марко переглянулись — один короткий взгляд, в котором уместилась целая история: тревога, готовность, молчаливое обещание. Мы кивнули.

— Мы её спрятали в Болонье, — ответил Марко. — Маленький городок, никак не связанный ни с кем из семей. Масару не придёт в голову искать её там. Несколько наших ре-

бят следят за ней. Пока попыток связаться с семьёй не было, да и она ведёт себя спокойнее... Как будто только и рада, что вырвалась.

Отец вздохнул, провёл ладонью по лицу, будто стирая усталость, и устало потёр переносицу. Его плечи на мгновение опустились — редкий миг слабости, который он тут же спрятал, снова становясь неприступным Доном. Он посмотрел на Вито тяжёлым взглядом.

— Вито, ты извини мою жену, но она так хочет женить Амо, что уже порой не знает, кого и выбрать. Я знаю, что Каролине нет восемнадцати, но мы можем хотя бы поговорить об этом. Как отец ты несёшь за неё ответственность, да и, думаю, Амо будет не против? — Отец вперил в меня взгляд, и я застыл, будто пригвождённый к месту.

Я не думал, что разговор зайдёт так скоро. Я хотел ещё полгода просто наблюдать за ней издалека, ловить случайные взгляды, запоминать, как она морщит нос, когда злится, как прячет дрожь в пальцах, когда старается казаться сильной. Но если мы официально сыграем помолвку, то, чёрт возьми, мне откроют карт-бланш. Я смогу видеть её каждый день, касаться её руки под предлогом вежливости, наконец попробовать эти манящие губы... Чёрт, что-то меня не туда занесло. В груди всё сжалось от смеси предвкушения и страха — страха спугнуть её, сломать, потерять.

— Дон, ты знаешь, я не могу отказать вам, — медленно произнёс Вито, и в его словах слышалась не покорность, а

горькая мудрость человека, который давно понял: в нашем мире «нет» — это роскошь, которую могут позволить себе лишь мёртвые. — Я не против выдать замуж Каролину. Тем более через год ей исполнится восемнадцать. Это не катастрофа, если мы обручим их сейчас, а через год сыграем свадьбу.

Минут десять мы сидели, обсуждая детали помолвки: сроки, гарантии, обязательства, которые лягут на наши плечи. Каждое слово звучало как приговор, высеченный в камне. Потом мы вернулись к столу. Подходя к нему, я заметил Каролину: она сидела, поникшая, с отрешённым взглядом, напряжённая, словно натянутая струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения. Моя мать и Лаурета о чём-то оживлённо говорили, их голоса звучали легко, почти весело, как будто они обсуждали фасон платья, а не чью-то судьбу.

Сев за стол, Вито взял бокал с виски и произнёс тихо, но так, чтобы слышали только те, кто сидел рядом:

— Мы заключили договор. Дон, это огромная честь — породниться с вами. И, возможно, в скором времени мы обзаведёмся общим внуком.

Моя мать ярко просияла, её глаза загорелись торжеством. Лаурета выглядела шокированной, но тут же натянула на лицо торжественную улыбку — маску, за которой пряталась буря эмоций.

Я перевёл взгляд на Каролину. Она резко сменила выра-

жение лица, словно надела ледяную маску: ни боли, ни гнева, ни слёз — только холодное, непроницаемое безразличие. Тихим шёпотом, в котором звенела сталь, она произнесла:

— Год. Я выйду за него замуж через год. Не раньше. После моего дня рождения, ровно через месяц, я выйду за Амо. — Она подняла глаза на Вито, но в них не было ни вызова, ни надежды — только пустота, от которой у меня внутри всё оборвалось. Она даже не взглянула на меня. Попросив разрешения у моего отца покинуть вечер, она встала и ушла, оставив за собой шлейф тишины, тяжёлой, как саван.

А я сидел, пытаюсь понять, что произошло за эти несколько часов. Почему в моём ангеле снова проснулся холод и лёд? Почему её глаза, ещё недавно искрившиеся жизнью, теперь казались бездонными и чужими? В груди разрасталась боль — острая, колючая, такая, что хотелось стиснуть зубы и кричать. Но я молчал. Потому что в нашем мире чувства — это роскошь, а боль — просто ещё одна плата за право носить имя, которое все боятся произносить вслух.

Каролина

Получив разрешение покинуть дом, я вышла из-за стола, натянув на лицо холодную маску безразличия. Ни на кого не взглянув — будто вокруг не было ни людей, ни шёпота, ни осуждающих взглядов, — я направилась к выходу. Шла с гордо поднятой головой, спиной прямой, словно стальной стержень впился в позвоночник, а взгляд мой был таким ле-

дяным, что, казалось, от него стыла сама атмосфера зала.

Гости провожали меня глазами, перешёптывались, роняли обрывки фраз, но я не слышала ни слова. Всё слилось в глухой, давящий гул, будто мир накрыли толстым слоем ваты, и сквозь него пробивался только один звук — яростный стук моего сердца, рвущегося из груди. Я шла ровным, размеренным шагом, демонстрируя всем эту показную невозмутимость, и никто не должен был догадаться, как меня трясёт изнутри — не от холода, а от кипящей ярости, от горечи, разъедающей душу, от ненависти, которая жгла изнутри, словно раскалённое железо.

Выйдя на улицу, я отправила Вико короткое сообщение: «Жду машину у ворот. Я возвращаюсь домой». Потом написала Адели: «Я уезжаю. Завтра расскажу, что произошло». Слова давались тяжело, будто каждое было выточено из камня, и в них не осталось ни капли тепла. Вико не заставил меня ждать. Он подъехал, вышел из машины, чтобы открыть дверь и помочь мне сесть. В тот момент я была пугающе спокойна — словно вся буря внутри меня сжалась в тугий узел, спряталась за непроницаемой стеной. В салоне повисла тишина, тяжёлая и густая, как предгрозовое небо. Ночь давила сильнее любых слов, будто сама тьма шептала мне: «Ты не сможешь убежать от этого».

Когда мы подъехали к дому, Вико помог мне выйти. Я лишь коротко кивнула ему в знак благодарности и направи-

лась к себе, не желая видеть ничьих глаз, не желая слышать ничьих вопросов. Как только дверь моей комнаты закрылась за мной, вся эта хрупкая броня рассыпалась, словно стекло, разбившееся о камень.

Я рухнула на пол, всё ещё в этом проклятом платье, и зарыдала — громко, отчаянно, навзрыд. Слезы лились потоком, смывая остатки гордости, остатки той силы, которую я так старательно демонстрировала. Я знала, что этот день наступит. Чувствовала, как вечер медленно, но неотвратимо катится к катастрофе, и всё равно надеялась, что ошибаюсь. Эта надежда теперь казалась самой жестокой насмешкой. Моё сердце рвалось на части, каждый осколок впивался в душу, причиняя невыносимую боль. Казалось, что внутри меня не осталось ничего, кроме пустоты — холодной, бездонной, поглощающей любые чувства. Два часа я лежала на полу, всхлипывая и вытирая слёзы рукавом, пока они не высохли, оставив на коже солёные дорожки. Два часа я оплакивала не только сегодняшний вечер, но и всё, что он разрушил.

Наконец, собрав остатки воли, я поднялась. Нужно было привести себя в порядок. Но в голове билась одна мысль, холодная и решительная: это ещё не конец. Капо и мачеха скоро вернутся, и мне предстоит новая битва — ещё более жестокая, чем прежде. Я не могла позволить им увидеть, насколько глубоко они меня ранили.

Амо думал, что сможет меня заполучить? Горькая усмешка скользнула по моим губам. Что ж, я его разочарую. Ровно через год я исчезну так далеко, что он никогда меня не найдёт. Если понадобится, я изменю внешность, имя, даже самую свою суть — стану кем угодно, лишь бы перестать существовать в этом мире, где каждое слово — нож, а каждый взгляд — удар.

Я сидела в своей комнате, будто рассыпавшись на тысячи острых осколков — каждый из них впивался в душу, не давая сделать глубокий вдох. Время застыло. Я ждала той минуты, когда Капо вернётся, и моя битва продолжится. Но в груди не было ни ярости, ни силы — только звенящая пустота, которая разрасталась с каждой секундой. Я не позволю сломать меня ещё сильнее. Три года назад он растоптал меня, шаг за шагом стирая из меня всё живое. А сейчас снова выстрелил в моё сердце — и каждый осколок, что уже когда-то ранил, теперь впился глубже, разрывая старые шрамы. Моё сердце так и не смогло зажить за эти три года. И сейчас старая, почти затянувшаяся рана снова открылась, взвыла, заныла с новой силой, словно умоляя: «Хватит, пожалуйста, хватит».

«Мама, дай мне сил. Дай мне только сил выстоять эту игру, выдержать этот удар, сломать эту чёртову доску, пока она не сломала меня». Я шептала эти слова про себя, сжимая ку-

лаки до побеления костяшек, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. «Мне так тебя не хватает...»

Десять минут я сидела на кровати, не шевелясь, будто любое движение могло окончательно меня разрушить. Мой взгляд был прикован к двери, я буквально прожигала её глазами, ожидая неизбежного. И вот она распахнулась настежь — не скрипнула, не приоткрылась осторожно, а ударилась о стену, словно сама ярость ворвалась в комнату вместе с ним.

Отец влетел, как ураган, как гром среди ясного неба, сметая остатки моего хрупкого спокойствия. Он не кричал. В этом и была самая страшная пытка. Его голос был спокойным, ровным, но в нём звенела сталь, тяжёлая и безжалостная, как лезвие гильотины.

— Ты понимаешь, что ты сделала, покинув вечер Дона одна? Ты понимаешь, какое клеймо нанесла мне и Лаурете? Ты опозорила нас! Мало того что явилась на вечер в чёрном платье, так ещё и после слов о свадьбе, нет чтобы радоваться и благодарить Дона, ты не проявила уважение — а ушла! Ты глупая девчонка, вечно, как и твоя мать, устраиваешь трагедию!

Каждое слово падало, как тяжёлый камень, разбивая остатки надежды. Он выговаривал мне, какая я никчёмная, что лучше бы моя мать не рожала меня, что лучше бы он не соглашался на этот брак с мамой. Я смотрела ему в глаза, впитывая каждую каплю его презрения, каждую искру холода. Полтора месяца я «мучила» его, нарушая правила, ста-

НОВЯСЬ ДЛѦ НЕГО НЕВЫНОСИМОЙ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.